
СОВРЕМЕННАЯ ПРОЗА: АНТОЛОГИЯ РАССКАЗА

Алексей Яшин
(г. Тула)

ДЕЖА ВЮ ИСТОРИИ?

Памяти Леонида Андреева

◆ Наш давний знакомец Николай Андреевич*, как и ранее работающий инженером в НПО «Меткость», в темные вечера зимы — в промежутке между первыми в новом веке и тысячелетии выборами госдумы и перевыборами президента — пристрастился к чтению выходявших одна за другой книг бойкого молодого историка с занимательным псевдонимом Максим Калашников. Писал он всю правду-матку о происходящем в стране и в мире после предательского разрушения СССР. В частности, этот славный историк с милитаристским псевдонимом писал, что история современной Россиянии и всего «цивилизованного» мира есть дежа вю истории тех же стран в начале двадцатого века. Николай Андреевич хмыкнул: действительно, сопоставляя факты, так оно и получается. Просто образование СССР и отчасти Третьего рейха на семьдесят лет затормозили, заморозили ход мировой истории, оттянули на жизнь трех поколений предсказанный еще бородатым Карлой дальнейшую судьбу мирового империализма — путь в его же собственную могилу. Что мы ныне и наблюдаем...

Как человек любознательный, советского воспитания, то есть в молодые годы перечитавший в удовольствие не одну сотню научно-популярных брошюр по всем отраслям знания (помните? — Издательство «Наука» такие книжки в серийном оформлении выпускало...), Николай Андреевич хорошо знал феномен дежа вю, то есть когда начинает казаться, что ты попал в ситуацию (обстановку, беседу и так далее), вроде как уже ранее бывшую. Каждый человек, а особенно начинающий шизофреник или алкоголик со стажем, в своей жизни не раз и не два испытывает такое состояние. Еще характерно вот что: в момент наступления этого дежа вю тебя как будто слегка в голову толкнет, в ней легкий шумок или звон пойдет, уши опять же слегка заложит, вроде как ватой, да и перед глазами этакая синеватая дымка застит.

* Один из главных героев книги: Яшин А. А. Тяжело дышит синий норд: Северные рассказы. — Тула: Петровская академия науки и искусств (Тульское отделение). Изд-во «Тульский полиграфист», 2003.

Длится это состояние недолго, не более пяти-десяти минут, а чаще и короче: постепенно дымка рассеивается, уши прочищаются, в голове все в норму приходит. Однако память о факте явления дежа вю держится месяцы, а то и годы.

Медицина этот факт охотно признает, но объяснить до сих пор не в силах. Психиатры все больше налегают на таинства работы подсознания, всякие биологигенетики напирают на память предков; дескать, за двадцать поколений у твоего прапрапрадеда схожая история вышла, вот в генах и записалась.

Насчет подсознания Николай Андреевич помалкивал, дело тонкое, но вот насчет генов откровенно хохотал. Хотя и знал по генетике только из школьной программы по биологии и некогда прочитанной популярной книжки Шарлотты Ауэрбах, но четко понимал: бред это, молекулы ДНК в пределах даже и сотни поколений не меняются. И если Иван Иванович Иванов как-то отличается от давнего своего предка Ивашки Косопузова, крепостного в вотчине боярина Василия Шуйского, то причиной здесь не гены изменившиеся, но общий прогресс цивилизации, а главное — жизнь в СССР в золотые годы шестидесятые-восьмидесятые с ее сытостью и жизненным оптимизмом.

А совсем смех — это какое же дежа вю в части конкретики ситуации может быть? Вот допустим, ездил Иван Иванович на выходные на собственном «москвиче» в деревню к бабке своей картошку окучивать. Бабка же, зная страсть великовозрастного внука к коллекционированию всяких кунштюков, одарила его серебряным рублевиком старой чеканки. Вот на радостях и превысил Иван Иванович на обратном пути скорость и был остановлен гаишным сержантом Добронравовым. Не любил сержант протоколов и квитанций, поэтому, не возражая, взял от нарушителя монету-рублевик. (Был период, когда гаишники брали только металлическими рублями, опасаясь бумажных денег: на них номера проставлены, мог пострадавший и стукнуть куда надо... Понятно, речь идет о временах советских).

Отъехал Иван Иванович немного и застрял перед закрытым железнодорожным переездом. Пользуясь случаем, полез в карман полюбоваться раритетом — обомлел: вместо роскошного бюста Катьки-царицы на него хитровато, с прищуром смотрел Вождь мировой революции. Рублевик-то был юбилейный, увеличенного против обычного диаметра, размером с екатерининский. Вот и попутал бес.

Занудело у Ивана Ивановича в голове, застлало глаза туманом, уши заложило. И вспомнилось: а ведь такое уже когда-то было с ним?! И как это генетики объяснят: дескать, безошадный Ивашка Косопузов был остановлен боярским старостой и оштрафован на алтын? Все это в генах записалось, исторически трансформировалось (ведь и гены стали советскими!) и всплыло в памяти Ивана Ивановича в досадный воскресный день. Чушь собачья!

Николай Андреевич вообще подозревал, что сейчас на гены что ни попадя списывают. Допустим, гомосексуализм этот самый треклятый, порча на лице человечества. В Средние века гомосексов, педиков да лесбиянок всяких, как обнаружат — и милости просим в ближайшее же воскресенье на Гревскую площадь, на костерок без соломки, чтобы по-настоящему живым дьяволову семя сгорело, а не задохнулось в дыму... При царях кнутабойцы над ними трудились, а опосля в монастырь грехи испкупать. В советское время статья в УК была: до семи лет отсидки, а там таких только и ждут! Статья такая поганая, только изнасилование пошибше будет. А теперь все по американскому пошибу: равные права! Тьфу! Договариваются до того, что, дескать, однополая «любовь» и чище, и моральнее обычной...

Подключили продажных медиков-биологов, наверное, самих из этих жопосуев, как в народе зовут таких, а те в обоснование научное: мол, хромосома у них лишняя, вот генный механизм и перенастраивает их с Вики на Витю. Даже Николай Андреевич, прочтя такое в «Новой независимой» газете, засомневался. Встретив соседа по

дому из третьего подъезда, профессора медицины, нормального (водку в компании пил охотно), поинтересовался. Тот расхохотался, мол, гомосексуализм есть тяжелое психическое заболевание на почве беспредельной распушенности и наркомании. Это записано в документе Всемирной организации здравоохранения — самой главной медицинской организации мира. Пригласил зайти в ближайшую рюмочную.

◆ Понятно, что Николай Андреевич, как всякий матерый инженер советского закала, плевать хотел на мудреные медико-биологические термины, а имел свое объяснение дежа-вю. При этом он исходил из известного в философии принципа «бритвы Оккама», принадлежащего английскому мыслителю XIV века Уильяму Оккаму. Суть же его состоит в том, что объяснение самого сложного и непонятного явления тем достовернее, чем меньше используется всяческих наукообразных терминов. То есть все дело в изначальной простоте и логике мышления.

В объяснении феномена дежа вю Николай Андреевич исходил из той же методологии, что и при некогда имевшем место толковании им эффекта «парных случаев» (по просьбе женщин-сослуживиц, прочитавших про этот эффект в дамском журнальчике в разделе «Секс в вашем доме»).

Про эти парные случаи также всем хорошо известно. Признает это и медицина, особенно психология и психиатрия.

(Просьба к читателям: не негодуйте на растянутое введение, ибо это важно для последующего развития сюжета.)

Так вот, с парными случаями встречался каждый из нас. Суть его в следующем. Допустим, был у вас некогда знакомый. Нет, не родственник, не друг, а так: коллега по работе (но в разных подразделениях), по пивной и так далее. Словом, раз в неделю или месяц здоровались при встрече и это все. А потом встречать друг друга перестали: то ли знакомец отдаленный в тюрьму попал, может банкиром стал, пешком уже не ходит, в «мерине» катается. И так далее, вариантов много.

Прошло несколько лет, знакомец полностью забылся: ни имени, ни портретного воспоминания, вообще ничего. И вот, гуляя перед ужином, видите отдаленно знакомую фигуру, идущую навстречу. И тот на вас глаза скосил. Неуверенно оба приостановились, на всякий случай протянули руки для пожатия. Затем оба рассмеялись, посетовали: сколько лет, сколько зим!

А через два-три дня, совершенно в другом месте, снова встретились. Опять посмеялись. На этом встречи прекратились. Это и есть эффект парных случаев. Николай Андреевич объяснял его внимательно слушающим дамам-сослуживицам с римской прямоотой и аристотелевой логикой. Все дело в том, что, будучи некоротко знакомыми, долгое время не видясь, они потеряли в отношении друг друга то, что принято обобщенно называть боковым зрением, которое реагирует непроизвольно на походку, характерные жесты, другие личностные спецификации, например, запах любимого визави напитка... Поэтому, даже и чуть не сталкиваясь в городской суе, бывшие знакомцы не фиксируют друг друга. А вот раз встретившись и заново освежив зрение, слух, обоняние, оба они в ближайшие последующие дни — под впечатлением неожиданной встречи — буквально выискивают в толпе знакомые черты и сразу находят, коль случай представится. А потом впечатление стирается, они вновь теряют друг друга.

Аналогично рассуждая, можно легко объяснить парные случаи для любых других ситуаций: парные убийства по схожим поводам, парные же сексуальные прегрешения и так далее.

Дежа вю имеет ту же самую природу. Все же здесь более правоты у тех ученых, которые все сваливают на подсознание. Все да не все! Тот же Иван Иванович, по ошибке, наощупь вручивший гаишному сержанту Добронравову вместо трудового

рубля екатерининский целковый, обнаруживший это перед закрытым железнодорожным переездом, давно забыл, что еще в студенческой юности форсил: постоянно носил в кошельке, наряду в рублями, трешками и пятерками долларовую купюру, случайно к нему попавшую. Расплачиваясь в ресторане, демонстративно вынимал все кредитки, брал доллар, досадливо произносил: «Нет, это вы здесь не возьмете». Клал его назад в кошелек. А однажды, возвращаясь затемно на такси с дружеской вечеринки в факультетском общежитии, вышел у своего дома и по ошибке сунул водиле вместо «рыжего» зеленую бумажку... Фонарь у подъезда не горел.

Далее все понятно: подсознание сработало, выкинув в активную память тот давний досадный случай. Это наложилось на недавнюю встречу с сержантом Добронравовым, сработала цепь ассоциаций — вот и все дежа вю. То есть никакое это не полное совпадение, а всего лишь схожий случай, засевший в дальней памяти, то есть в подсознании.

...А встретив в занятой книжке Калашникова упоминание о дежа вю в истории России начала и конца двадцатого века, Николай Андреянович с восторгом произнес про себя: «Ай да Максимка, ай да молодец!» Все дело в том, что Николай Андреянович уже без малого десять лет знал об этом историческом дежа вю.

◆ Почти четверть века из своих пятидесяти с гаком годов Николай Андреянович бесменно трудился на ракетном НПО «Меткость», но в промежутке между окончанием политеха и поступлением на нынешнюю работу он по распределению трудился в ЦКБ агрегатостроения, тоже военно-промышленного ведомства, но второразрядном, скороспелом, созданном единственно недюжинной волей и напором молодого руководителя ЦКБ.

Организация эта была создана в самом начале золотых семидесятых в тот год, когда Николай Андреянович окончил институт. Поэтому первые сто вакантных мест укомплектовывали выпускниками этого года, то есть почти все были друг другу знакомы. А на пятьдесят мест начальников отделов, секторов и групп (с перспективой резкого увеличения числа подчиненных) переманили такое же число бывших рядовых инженеров из соседнего НИИ. Получилось, что начальники лишь на три-четыре года старше своих подчиненных. То есть в сумме своей коллектив получился одновременно веселый и сплоченный — последнее по причине отсутствия начальственного опыта у молодых руководителей. Но — это к слову.

Среди прочих друзей к третьему году службы Николай Андреянович обзавелся приятелем на пару лет его моложе — Игорем Вашко, впрочем, все того же политеха выпускником. Многое у них не состыковывалось. Например, оба не проносили рюмку мимо рта, но если с добавлением их числа Николай Андреянович добрел, расслаблялся, песни заводил, то Игорь, потомок высланных из послевоенной Украины строптивых хохлов из западных областей, с каждой последующей все более хмурился и склонялся к мрачному юмору. Если жизненным кредо Николая Андреяновича, даже и в нынешнее торгово-воровское время, было служение Отечеству и военной науке и технике, то Игоря всегда заботил финансовый вопрос. Даже в советское бессеребряное время. Так, проработав с ненавистью в ЦКБ три положенные года, бывший молодой специалист Вашко немедленно уволился и нашел себе место в недавно созданной в городе организации по наладке и пуску ЭВМ, где платили аккордно. Тяжелым трудом Игорь стал зарабатывать в три раза больше прежнего.

Имелись и другие нюансы, но был и мощнейший фактор сближения: военноморской. У Николая Андреяновича это врожденное, от детства и юности на базе Северного флота, от отца Андреяна Матвеевича, прослужившего на том же флоте с 36-го по 48-й год, включая Финскую и Отечественную. А вот откуда у сухопутного Игоря? — Неисповедимы пути формирования характера...

Тем не менее, все свободное время, исключая три зимних месяца, он проводил на лодочной станции на берегу городской реки, где его инициативой был создан — с благословения ОблДОСААФ — мореходный клуб. Львиную долю времени он с коллегами посвящал ремонту движков стареньких катеров бывшей рыбохраны. Последнюю упразднили еще в середине пятидесятых после исчезновения в реке рыбы. В редкие часы исправности движков Игорь приглашал Николая Андреевича прокатиться по реке за черту города. Они приставали к берегу и обочь капустного пригородного совхоза выпивали по стакану горькой за советский военно-морской флот. Мечтал Игорь о собственной яхте, а отпуск проводил в Крыму, примыкая к тамошнему клубу аквалангистов, кажется, в Феодосии.

◆ Как уже сказано, Игорь уволился из ЦКБ, а спустя короткое время и Николай Андреевич разругался со своим начальником и ушел в НПО «Меткость». Однако связь продолжали поддерживать, хоть редко, но встречались, в том числе и на лодочной станции.

Когда Меченый по приказу своих таинственных забугорных начальников отдал команду на разрушение страны, провозгласив, в числе прочего, свободу грабежа и спекуляции, то супружеская чета Вашко, сохранившая при советской власти частнособственнические инстинкты, тотчас ушла в мелочную торговлю; стать олигархами национальность не позволяла, а бандитами — какой-никакой, но возраст, а главное — издержки советского воспитания и семейные традиции, где все жили честным трудом.

Но главное, конечно, возраст. Одно дело ввязываться в бизнес семнадцатилетним, не отягощенным предрассудками предыдущей эпохи; тут тебе все на выбор: хоть машины в Германии кради, перегоняй в Отечество, или с автоматом того же Калашникова (генерала, не писателя-историка) под мостом стой, а есть желание — в брокеры, в менеджментеры; фирму подставную можно организовать и обанкротить. А если ума мало, а сил много — так прямой путь в вымогатели-рэкетеры. «Молодым везде у нас дорога!» А вот когда радость пришла на нашу улицу, если тебе уже за тридцать... только самая низовка торговли и остается.

Да, помаялись Игорь с Ольгой в первой половине девяностых-лихолетних: зима морозная, Ольга с подружкой мерзнут в тряпичной палатке на городском рынке, какой-то дрянью мануфактурной промышленяют. Хорошо Игорь на старенькой своей машине подъехал, из оптовки привез партию китайской спортивной дешевки, по пути где-то бутылку самогона прихватил. Выпили девки по рюмахе-другой, тепло по телу растеклось, можно и до ближнего вечера постоять-поторговать. Николай Андреевич, сам бедствуя в те годы немилосердно, ничуть не завидовал приятелю и его супруге.

Однако прошло лихолетье расстрельных, откровенно воровских лет. Жить стало лучше, жить стало веселее... К деноминации рубля и у семейства Вашко дела поправились. Игорь занял почти приличное место в фирме, перепродававшей лаки и краски отечественного производства, Ольга открыла магазинчик по мануфактурной части. Изредка встречая на улице Николая Андреевича и зная хорошо его коммунистический атавизм, говорила: «Хоть ты и против предпринимательства, а вот я забочусь о людях, раз государство их бросило: у меня все продавщицы с «красными» дипломами!»

Тем не менее чувствовалось, что, несмотря на новую квартиру в центре, хотя и отечественную, но лучшую машину и так далее, далось все это новоиспеченным буржуинам непросто. Николай Андреевич, проживая рядом с областным диагностическим центром, как-то встретил идущего в его сторону Игоря. «Вот, иду к кардиологу, — мрачно сказал тот, — сердце который день жмет, а ведь еще недавно и не знал, где оно

точно находится! Молодые волки на работе на пятки наступают... да-а, в бизнес следует лет в двадцать идти поначалу. А в тридцать-сорок тяжело».

◆ В то злосчастное лето, что завершилось августовским дефолтом (точного значения этого собачьего слова Николай Андреевич так и не установил), у нашего героя не получилось с путевкой — в НПО «Меткость», где свирепствовали пережитки прошлого, еще давали путевки за 10...20 % от стоимости. А он пристрастился летом отдыхать от дел мирских и инженерных в недалеком курорте на Оке с приличной публикой, в основном московской. Ближе к июлю месяцу Николай Андреевич затосковал в жарком и пыльном городе, бывший славе русского и советского оружия, который назначенный демократами губернатор-взяточник с кулинарной фамилией привел в полное ничтожество.

Тем удивительнее оказался вечерний телефонный звонок Игоря Вашко. Надо сказать, что, по всей видимости, бизнес у того пошел в гору: почти два года не звонил; на улице тоже не встречались. Между тем Игорь пригласил встретиться, пропустить по стаканчику, поговорить о том, о сем, благо и дельце есть. Николай Андреевич удивился: какие дела могут быть у него, человека явно неделового, однако согласился с удовольствием.

Через полчаса они встретились на центральном проспекте в стекляшке-забегаловке, всему городу известной под названием «Ханты-манси» (от давнего официального названия: кафе «Манты»). Разговор с самого начала принял интересный для беспутевого Николая Андреевича оборот. Суть его в следующем. Оказывается, прошлым летом Игорь исполнил свою мечту: купил яхту. Правда, пластмассовую, но зато разборную, можно на крыше легковушки перевозить. Тем же летом яхта была опробована на озере, километров триста севернее столицы. Ездили сам-трое: он сам, Ольга и сын. Более младшую возрастом дочь оставляли на бабку.

А вот этим летом компанию Игорю не составили: Ольга готовила дочь к поступлению в пединститут (университет по-нынешнему), а сын завел себе постоянную девицу; с ней ему было интереснее. Короче говоря, предложил Игорь приятелю составить компанию. После пятой рюмки, отбросив все сомнения, Николай Андреевич согласился. Договорились через неделю, дабы он, как человек казенный, оформил отпуск.

Наутро, протрезвев, Николай Андреевич корил себя нещадно: куда-то тащиться, ночевки в палатке, комары... романтика дурацкая, когда под пятьдесят. И это вместо уютного и привычного курорта... Впрочем, курорта в этом году не предвиделось. А что делать, назвавшись груздем?

◆ Ехали бизнесмен с инженером благодушно — двести верст до столичной окрестной и за триста от нее на север легко одолели в один день от пяти утра до ранних сумерек. И то потому так долго, что хозяин не был родственником Миши Шумахера, как по крови, так и духу, а за Москвой, съехав в уютную рощицу с поляной, устроили трехчасовой привал с обедом и парой рюмок для Николая Андреевича, с задумчивой дремотой и лицемерием ясного, без единой тучки, июльского неба, с ленивой беседой о душеприятном. Какие погоды, какие душистые запахи! Только осатаневший в раскаленном городе человек может оценить это невещественное счастье...

В автомобиле же, дабы не отвлекать водителя от его занятия, Николай Андреевич лишь слегка подтрунивал над тружеником его величества капитала. Игорь вздыхал. Ему самому уже давно разонравилась нудная либеральная профессия, но коней на переправе, как известно, не меняют.

Последние два часа пути Николай Андреевич и вовсе молчал. Автострада окончилась, Игорь, сверяясь с памятью и картой, озабоченно вел машину по разбитой

асфальтовой районке, потом по грунтовой, петляющей между рощами, перелесками, редкими деревьями. Уже смеркалось, когда вывернувшись из очередного леска, путники увидели озеро с еле-еле заметным противоположным берегом, островком с часовней. С их же стороны справа на взгорье возвышалась старинная церковь, слева — село, покато спускавшееся к берегу.

Николай Андреянович, человек чувствующий, потому интересующийся пейзажной поэзией, вспомнил недавно читанные стихи местного, *т*-кого поэта, с которым был знаком отдаленно:

*Не Москва — глухие деревушки
Сохранят, как тайные скиты,
Как свои заветные церквушки,
Нашей Богородицы черты...*

Еще в дороге глава экспедиции успокоил Николая Андреяновича, сняв страх перед палаточной романтикой: остановятся они у бодрой и опрятной старушки, прикормленной с прошлого лета, в добротном доме (покойный ее муж был колхозным бригадиром). Срок приезда — чтобы не опередили конкуренты — Игорь оговорил в прошлогодний визит. На десять дней они получал в полное распоряжение комнатку с двумя кроватями и остекленную веранду с двухконформной электроплиткой белорусского производства. И сотовые отсюда берут. Вход отдельный, а главное — озера в двадцати шагах, яхта перед глазами, не сопрут, не поуродуют. Благо и дом стоит слегка на отшибе от села, ближе к церкви — бывшая поповка; как пояснил Игорь, дед старушки был здешним священником, разжалованным от своих обязанностей местными комсомолстами в начале двадцатых.

Машина, спустившись по пологой дороге к озеру, отвернула чуть вправо, в сторону церкви, и остановилась перед крепким домом, впрочем, знавшим лучшие времена.

Выходя из машины и разминая затекшие члены, Николай Андреянович ни к селу ни к городу подумал: «Жаль, если здесь лет через тридцать будут жить китайцы»...

◆ Оно и в родных местах в середине лета ночь с трудом вступает в свои права ближе к одиннадцати вечера, а здесь-то сумерки по-северному и вовсе не торопятся в полночь сойти на нет. Все же луна тускло затеплилась на потемневшем небе, когда гости разместились, накрыли стол на веранде, поджарили на плите яичницу из десятка домашних яиц, принесенных Клавдией Тихоновной. Жарили на сале, опять же из погреба хозяйки. Вечерять сели вместе с ней; Игорь принес для старушки бутылочку рябиновой, коей она с охотой приняла пару стопочек. Гости пили «флагман», но осторожно, памятуя, что ночи здесь короткие и им не по двадцать пять. С дороги налегали на яишенку, бабусин зеленый лучок и редиску, привезенные закуски, потчуя Клавдию Тихоновну. Та же интересовалась здоровьем Олечки и детей, знакомилась с краткой биографией Николая Андреяновича.

Оба спохватились было, что не отзвонились домой, но по позднему времени отложили на утро. Поначалу насытившиеся путешественники поклевывали носом, но хорошо очищенная водка придала им второе дыхание. Разговор сам-трое оживился, по русскому, точнее советскому, обычаю замкнулся на политике, преимущественно внутренней: что делать? За что? Почему именно нам достались все тяжкие и так далее. Здесь по-преимуществу соловьем разливался политически подкованный Николай Андреянович. Потомок истовых хохлов Игорь угрюмо молчал; вообще при подобных разговорах он соответствовал характеру щедринского персонажа. А может, и гоголевского? Николай Андреянович точно не помнил. Так вот, этот персонаж вполне здраво и со вкусом поддерживал беседы о вещах наглядных и конкретных: кушаньях, охоте псовой, женских достоинствах. Но стоит завести речь о политике, внешней или внутрен-

ней, как персонаж этот угрюмее и молчит, а то заведет такую философию, злобную и тупую, что только рукой собеседник махнет и прочь отойдет...

Понятно, что суждения бизнесмена Вашко были вовсе не тупыми, но вот мрачными — это точно.

Хозяйка же Клавдия Тихоновна говорила обычное для ее пола и возраста: дескать, повезло нам с руководителем, собой хорош, не то что какой-нибудь Зюганов, а что стопку-другую себе позволяет... так русский же человек! Опять же о народе радеет... да вот начальники разные, окружающие его, губернаторы и думские смутьяны все его добрые начинания похеривают. Николай Андреянович дипломатично кивал, соглашался. Игорь же без лишних слов потянулся за квадратной, под хрусталь, литровой бутылкой «флагмана» высшей очистки. «Протекционистская политика нашего государства в области малого и среднего бизнеса позволила всем нам самореализоваться», — откуда-то из запасников памяти Николая Андреяновича выскочило несурзное.

Скоро Клавдия Тихоновна раззевалась, прикрывая рот ладошкой, крестьянский уклад брал свое: ложиться с наступлением темноты, а в четыре утра уже буренку домашнюю доить... Прощаясь с гостями и желая доброй ночи, гостеприимная хозяйка посоветовала молодым людям, столь интересующимся политикой и отечественной историей, сходить к деду Михаилу в село, он знает много и всегда рад поговорить с людьми из города. Свои-то деревенские ему давно надоели непонятливостью. «Я в давешнее лето Игорьку о нем порассказала. Сходите, не пожалееете», — добавила Клавдия Тихоновна, затворяя за собой дверь в горенку.

◆ В ту ночь они поддали-таки крепко, нарушив в первый же день торжественную взаимную клятву принимать по маленькой только с устатку и ддя бодрости. Поэтому на следующий день проснулись поздно и до вечера возились с яхтой, как высокопарно называл хозяин вполне поместительную лодку с полупалубой, веслами-двойками и мачтой с косым пиратским парусом. Все, включая весла и парус, было построено из пластмассы. Только пятисильный движок подозрительно походил на металлический, да бензин к нему настоящий. Впрочем, как припомнил Николай Андреянович из химии, бензин тоже органика, как и пластмасса...

Впрочем, со следующего дня началась настоящая услада. В утреннем бризе ходили под парусами, а после сытного обеда, приготовленного добрейшей Клавдией Тихоновной, и пионерского «тихого часа» — на моторе или на веслах бороздили озеро вдоль и поперек. Николай Андреянович быстро восстановил морские навыки, почти что забытые с далекого заполярного детства и юности, радовался, как дитя, вольной жизни, водному простору, невещественному счастьем нахлынувших детских воспоминаний. Наслаждался и сухопутный моряк Игорь.

А после ужина выходили на лов, используя легко браконьерские снасти, привезенные с собой. Рыбу вялили во дворе дома, развешивая, подобно белью, на веревках. Будет с чем дома пивка попить! На четвертый день явился за данью сельский участковый, одобрил рыбку, подаренную кредитку в американской валюте и квадратную бутылку «флагмана» из привезенной с собой коробки. Представитель службы услуг правопорядка несколько огорчился, узнав, что у Игоря есть удостоверение на право вождения маломерного судна (до 30 лошадиных сил), поэтому понес какую-то нелепицу о регистрации свыше трех суток. Игорь остановил красноречие дополнительной кредиткой, правда, во вспомогательной, отечественной валюте. Глядя вслед удалявшемуся стражнику, Игорь задумчиво произнес филиппику насчет того, в какой фуражке удобнее родиться на этот свет: в капитанской с гербом яхт-клуба или в милицейской с красным околышем.

Больше никто и ничто их не огорчало. За суетой и усладой активного отдыха Николай Андреянович и Игорь забыли обо всем на свете и только за два дня до отъезда

вспомнили о деде Михаиле. Игорь поведал, что знал из прошлогодних рассказов Клавдии Тихоновны.

◆ Дед Михаил, а полностью Михаил Вячеславович Белосельский, был знаменитостью села Опочевца и окрестных мест. Во-первых, недавно ему стукнуло девяносто четыре, то есть родился он за два года до революции 1905-го года. Во-вторых, еще несколько лет тому назад на изумление и потеху местного народа он по утрам прогуливался округ своего дома зимой в одних трусах (вообще-то в шортах). А местный же директор школы, игравший с дедом Михаилом в шахматы уже с четверть века, рассказывал: знаменитый снегоход Порфирий Иванов не раз и не два наезжал в гости к Михаилу Вячеславовичу. Наконец, в-третьих, был он настоящим князем — из младшей ветви знаменитых князей Белозерских-Белосельских, тех, что после революции владели всеми плантациями апельсинов в Марокко. А памятуя и любя издали Отечество, почти весь урожай южных фруктов по демпинговым ценам поставляли в СССР. Помните советские времена? И апельсины марокканские по рупь-сорок, развозимые из столицы по всей стране? — Так вот это и были апельсины от князя.

А наш князь, как стали называть деда Михаила на селе после горбачевской либерализации цен и ценностей, родился в имении, что располагалось неподалеку от Опочевца. И хотя в этих северных местах крепостного права отродясь не было, а имение было построено по прихоти деда Михаила Вячеславовича князя Константина Евграфовича Белосельского в 1883 году, тем не менее в семнадцатом мужички, подстрекаемые ярославскими эсерами, напившись ханки, одурели и подчистую сожгли барский дом и все хозяйственные постройки. Причем предварительно даже не пограбили — в здешних местах воровство не поощрялось.

Юный Миша до семи лет преимущественно жил баловнем деда в имении, а потом, когда пришло время учебы в гимназии, был увезен родителями в Москву. Подготовленный хотя и сумасбродным, но ученым дедом, Миша поступил сразу во второй класс дворянской гимназии. Когда большевики осенью семнадцатого обстреливали из пушек Кремль, он учился в последнем классе. Приехавший из сожженного имения дед, обладавший даром предвидения, что часто бывает свойственно людям несколько не в себе, посоветовал внуку учиться в Горном институте. Глава семьи князь Вячеслав Константинович был известным в первопрестольной врачом-окулистом. Вообще говоря, все в ряду князей Белосельских, равно как и в старшей ветви, еще с 60-х годов прошлого века перестали кичиться титулом и занялись полезными делами. Причем не просто прописывал очки и закапывал глазные капли, но читал лекции на медицинском факультете и делал сложные операции — не хуже своего научного коллеги профессора Филатова из Одессы.

Поскольку первое советское правительство, вскорости переехавшее в Москву, в основном состояло из товарищей еврейской национальности, людей ученых и посадивших глаза за чтением трудов основоположников, то с такой клиентурой доктор Белосельский в самые свирепые годы красного террора и в последующие не имел ни малейших неудобств от властей. Даже их восьмикомнатную квартиру не уплотнили. В семье до сих пор ходит предание, что именно князь Вячеслав послужил — в бытовой части — Булгакову прототипом доктора Преображенского.

И Мишуня окончил Горный институт по геологоразведке в год смерти Ильича без неприятностей. В начавшейся тогда кампании по перемене фамилий сверхпроницательный дед посоветовал всему семейству перекреститься в демократических Белоселовых. Последнее неудобство жизни в Советской России было устранено. Довольный содеянным, Константин Евграфович отошел в мир иной, ненамного пережив Владимира Ильича, которого, кстати говоря, уважал. Истинно чудаковат был князь.

Вячеслав Константинович в Великую Отечественную стал полковником меди-

цинской службы, умер в пятьдесят первом году лауреатом Сталинской премии. Немного пережила его и супруга. Младшая сестра Михаила Евгения дожила до позора горбачевщины. С покойным мужем, видным сотрудником госплана, она вырастила пятерых детей, дождалась правнуков. Так что бывшая княжеская квартира, ныне разделенная на две отдельных, никогда не пустовала.

А Михаил Вячеславович, как отправился новоиспеченным геологом-изыскателем в первую свою экспедицию на Алтай, так и пространствовал до хрущевских времен: работал с Ферсманом на Кольском полуострове, в войну искал стратегический марганец в Сибири и на Дальнем Востоке, а потом его перебросили на урановые месторождения. Вернулся он в родительскую квартиру с иконостасом трудовых наград, небедным и женился в начале шестого десятка. Запозднился с экспедициями. Однако, запрограммировав долгую жизнь, в пятьдесят с лишком выглядел тридцатилетним и мужественным, чем и привлек свою будущую супругу, здравствующую и поныне, студентку-старшекурсницу Горного института, куда он устроился доцентом (диссертацию еще в сорок восьмом защитил наездом в столицу).

В начале семидесятых, будучи уже профессором, доктором геолого-минералогических наук, заслуженным деятелем науки и техники, единолично получил, продолжая традицию отца, Госпремию за учебник по сейсморазведке, на которую и построил роскошный по тем временам дом на окраине Опочевца, тем самым замкнув исторический круг возвращения к родным пенатам. Окончательно же переселился в Опочевец сразу после восьмидесятилетнего юбилея. Дом жил шумно, особенно летом: поздних детей у Михаила Вячеславовича народилось трое, внуков уже было семь, да еще многочисленное потомство сестры Евгении...

◆ Визит к князю-профессору был назначен на утро предпоследнего дня пребывания в озерном раю. Накануне ужинали на сухую, чтобы не было бонтона на следующий день, хотя Клавдия Тихоновна советовала с собой — для знакомства и разговора — прихватить «бутылочку городской». Дед Михаил хотя и готовился к столетнему юбилею, но, как истинный геолог, все еще позволял себе рюмку-другую.

...Может быть поэтому, то есть по причине «сухого» ужина, Николаю Андреяновичу, дотоле спавшему в этой благодати вовсе без снов, в эту ночь посетили пестрые видения. Началось с совсем гадостного; снилось, как будто его старинный приятель Витька Болтов, ранее фотокор всех городских газет, а теперь бедствующий, неожиданно получил главный приз всероссийского конкурса отечественных папарацев в сумме 20000 долларов: заснял на фотку примадонну столичной эстрады в отхожем месте... А полученные доллары за неделю пропил с мигом набежавшими приятелями в кабаке «Эдельвейс» (бывшая «Дружба»), что во дворе его дома. И будто бы в память такого грандиозного загула «Дружбу-Эдельвейс» переименовали в «Болтов-энтерпрайз».

Очевидно, из подсознания Николая Андреяновича выскочил известный случай с не менее известным композитором М., который, получив (всего лишь за три песни!) Сталинскую премию, в две недели пропил ее с друзьями и просто посторонними в пивной на окраине воспетого им рабочего пригорода: «Под городом Горьким, где ясные зорьки...» А пивная эта с тех пор зовется исключительно М-овской...

А затем он с удовольствием просмотрел полнометражный художественный фильм режиссера Арцимовича-Задунайского «Утро олигархической казни» с легко узнаваемыми персонажами и декорациями Красной площади и Лобного места. Отрубленные головы с модными трехдневными щетинами и дегенеративно выпяченными вперед подбородками шеренгами катились по Васильевскому спуску.

Еще снилось нечто антипатриотичное: будто руководитель российской державы, большой охотник поиграть в лаун-теннис, вызвал на пари председателя Китайской

Народной Республики и продул начальнику Поднебесной речку Амур с прилегающими землями...

Следующий сон, наоборот, светился ура-патриотизмом, хотя и историческим. Будто в самом, неудачном для нас, начале Сталинградской битвы турки, сошедши с ума, объявили войну СССР, но тотчас были разбиты. Основной удар нанесла группировка Красной армии, с сорокового года стоявшая в северном Иране. Армяне советские и турецкие объявили тотальную мобилизацию и выбили башибузуков из турецкой Армении, прибавив к названию священной горы Арарат «имени Сталина». А с юга в Анатолию хлынули поднятые на восстание агентами НКВД курды. Уже через месяц маршал Рокоссовский принимал в Стамбуле-Константинополе безоговорочную капитуляцию у неразумных наследников Кемаля Ататюрка.

В содержании следующего видения Николай Андреянович не успел разобраться, так как был разбужен энергичным голосом руководителя экспедиции: «Вставай! Вроде и не пили вчера, а разоспались»...

Наскоро перекусив и захватив предпоследнюю квадратную бутылку из сиротливо опустевшей коробки, компатриоты отправились на другой край Опочевца.

◆ — ...Так вот, молодые люди, — с аппетитом закусив малосольным огурчиком рюмку «городской», продолжил завязку беседы хозяин поместительного двухэтажного дома, — удивляться тому, что я в девяносто четыре не развалился и не умственный идиот, не стоит. И пресловутый горный воздух, баранина с курагой от рождения... Это все не тот расклад. А воля божья? — При всем моем уважении к религиозной традиции, естественно православной, сами понимаете, профессорство предполагает материалистическое мировоззрение.

— Прошу прощения, Михаил Вячеславович, что встречаю. А вот наш великий Павлов...

— Да-да, Иван Петрович большой оригинал был. Кстати, хороший знакомый моего отца. Сам имел честь разговаривать с ним — у нас дома. Как мне кажется, его религиозность была своего рода демонстрацией. Такой же, как и его демарши с ношением на изрядно потертом пиджаке орденов Св. Владимира, Св. Станислава и Почетного легиона. А на дворе-то уже сталинские пятилетки. Да-а, большой оригинал. Но вернемся к нашей теме.

Здесь кому как выпадет. Опять же сочетание наследственности, образа жизни, врожденного оптимизма... Конечно, с биологией не поспоришь: удобнее ходить уже с согнутой спиной, зубы двадцать лет как чужие. Столько же читаю в очках, а главное — мысли и речь тягучие... как резина. В позапрошлом году звали в Москву на съезд геронтологов. Пока ехали — внук за рулем сидел, сам уже давно не вожу — растрясло, еле в президиуме час высидел, носом клевал. Поехал на московскую квартиру, отоспался и только на второй день отъезда нашел силы и желание с докладом выступить.

Впрочем, хватит обо мне: подумаешь, ерунда — почти до ста дожил! Вот в соседней деревне старообрядцы, вернее, их потомки обитают. Так у дедов-прадедов нынешних ее жителей в моде были возрасты сто десять, сто пятнадцать... А вы все про Кавказ да про молочных барашков.

— В нынешней Россиянии и до шестидесяти-то лет дотянуть проблематично, — сгрубил доселе молчавший Игорь.

Михаил Вячеславович зорко посмотрел на гостя, по воспитанной привычке современника Ягоды и Лаврентия Павловича сделал осторожную паузу; впрочем, тут же вспомнил: какая погода на дворе стоит:

— Да-да, как сейчас люди, из тех что поумнее, говорят: были времена тяжелее, но не было подлее! А вы, молодые люди, какие, так сказать, нынче идеалы исповедуете?

— Пожалуй, коммунистические и со сталинским уклоном, — брякнул Николай

Андреянович, запомнявав, что перед ним сидит князь-рюрикович, да еще в царской гимназии учившийся. Заметно порозовев, кивком передал слово приятелю.

— А по мне так советскую власть вернуть, но без генсеков и партторгов; как в современном Китае.

— То есть, молодой человек, бизнесмен, как я полагаю, хотелось бы доходы иметь, как сейчас, а работать, как при советской власти? Вы уж не обижайтесь...

— Михаил Вячеславович, — решил направить беседу в вожделенное русло Николай Андреянович, — вы человек во многом уникальный, если не возражаете против такого определения. Для вас история как бы повторяется; я имею в виду годы семнадцатый и девяносто первый — он же девяносто третий. Не возникает ли у вас чувства некоторого удовлетворения: все возвращается на круги своя; все бедствия, все потери вашей семьи в те давние годы вроде как отмишены. Как вы полагаете?

— Тонкий и сложный вопрос, молодой человек. Давайте еще по рюмочке, а вот и яишенку Надя несет!

◆ — Ход вашей мысли, молодой человек, вполне логичен: князь из рюриковичей, именишко мужички пожгли, сам из «старорежимных»... Правда, с некоторыми уточнениями: почти три четверти моей затянувшейся жизни я был советским человеком, да таковым и сейчас остался. Второй момент — я профессор, то есть человек относительно разумный, с преобладанием логики в мыслях над скороспелыми порывами души и страсти, так сказать. Наконец, мои предки еще с середины прошлого века совлекли с себя княжескую спесь и стали людьми трудящимися, хотя и в так называемой интеллигентной сфере.

Есть, конечно, понятие родовой памяти, мстительность, чуть ли не веками таимая в душе, наследственная. Как говорил уже, тут неподалеку старообрядцы проживают. Их при советской власти даже в худшие для церкви троцкистские времена не трогали, дескать, многовековые жертвы царизма! Однако большая метла при Ягоде, троцкистском выкормыше, и из староверов кой-кого задела. Знавал я таких, то есть самих репрессированных и их детей. Так вот, они не кланут даже сейчас, в сверхлиберальные и антисоветские времена, Сталина и коммунистов. А потому как только у них сохранилось истинно православное мироощущение.

А вот тоже по жизненному опыту: самые злопамятные — из хохлов послевоенной высылки (здесь Игорь мрачно хмыкнул, но вспомнил английскую присказку, что джентльмены присутствующих в виду не имеют...) и потомки раскулаченных в коллективизацию с юга России, и особенно из сибирских. Про Кавказ и азиатов не говорю, это другой мир. Так вот какое дело, мои-то пращурь тоже Никонову ересь не приняли, как боярыня Морозова в опалу поначалу попали. То есть и у меня, наверное, историческая память о тех временах есть.

Я это к тому все говорю: нет у меня никакой родовой и иной предвзятости. Сужу только по личным впечатлениям и логике хоть и престарелого уже, но — ума какого-никакого. Другое дело, что бог долгую жизнь — и в разуме — дал, много видел, много слышал, много, наконец, думал. А время думать было предостаточно, профессия полевого геолога-изыскателя к тому побуждает.

То есть жизнь почитай за сто лет наблюдал в «низах» и в «верхах». Ведь отец мой до войны по части зрения всю кремлевскую верхушку пользовал. Многие дома у нас бывали. Сам Лаврентий Павлович в приватной обстановке в сороковом году у меня относительно урановых месторождений интересовался; я ведь в Москве часто наездами бывал — в отпуск, с отчетами в главк, на семинары и конференции. То есть не все время в медвежьих углах пребывал. Михаил Иванович, он же всесоюзный староста, так сказать, номинальный глава СССР, тот и вовсе запросто на чай заходил. Что-то сложное у него с глазами было, лечился у отца.

Все же возраст есть возраст, поэтому, вспомнив отца, хозяин переключился на дела семейные:

— Сейчас у меня дома тихо для летнего времени: все в Москву уехали, там очередная внучка замуж выходит, правда, с некоторым запозданием. А здесь мне для компании пару правнуков оставили, да племянницу на хозяйстве — что вам калитку открывала. А вот через пару-тройку дней дом ходуном ходить будет. Давайте по нижегородскому обычаю на веранду перейдем, туда и чай подадут.

◆ Чай, поданный на веранду почтенной племянницей в сопровождении трех сортов варенья, меда и свежвыпеченных домашних булочек, понятное дело, заваривался из самовара, хотя и электрического, и был великолепным. Как объяснил патриарх дома, состав заварки составлял он сам, научившись этому делу в алтайских экспедициях.

— Конечно, здешние травки не чета алтайским, состав и количество эфирных масел не тот, но все же сбор недурен. Да и сам чай китайский, настоящий. Один из внуков по торговой части пошел, он и поставляет. А то, что в блестящих упаковках и жестянках — мусор из Кении, где и культуры выращивания чая нет.

...Я вообще-то в Москву сейчас раз в год по обещанию езжу. И не потому, дескать, что возраст, то да се. Нет, просто тошно смотреть: во что белокаменная превратилась. Не зря ее вся страна Иудопаразитовкой называет... да еще по настоящей фамилии одного видного деятеля.

Ладно, отвлекся я по-стариковски. Хотя доктрина Даллеса от сорок пятого года в отношении Москвы выполнена на сто десять процентов: народ — от бомжей до верхов — превращен в хамское быдло, жирующее на издыхающей стране. Да-а, вы это лучше меня сами знаете. Вот вам и первое несовпадение: Москва, скажем, тринадцатого года — года празднования 300-летия Дома Романовых — и нынешняя Иудопаразитовка или как ее там?

Полагаю вас людьми самодостаточно мыслящими, то есть бред о «России, которую мы потеряли», считающими клиническим случаем. И первопрестольная, равно как и вся империя, в то время чем-то напоминала современную Индию, понятно, в естественных временных масштабах: на полный ход раскручена ядерная программа, бывший советский флот у России оптом скупают, свои компьютеры клепают и так далее. А чуть от Дели, Хайдарабада и Бхилаи отъедешь и видишь: почти миллиард индусов в полной нищете пребывает.

Но тогда Москва жила своим трудом: промышленностью, оптовой внутренней торговлей. Налогов со всей страны не собирала, строилась широко, но довольно скромно по антуражу. Чиновники брали, но опять-таки скромно. Что еще? Воры по мелочи воровали, изредка медвежатники банки брали. Суды были присяжные, потому коррупцией не страдали. Из полиции почитай только околоточные с лавочников трешки «к празднику» брали.

То есть вроде как сейчас; но все наоборот. Да, запомнил, еще одно отличие: два предреволюционных десятилетия Москва — центр русской благотворительности. В Петербурге ее вовсе не было. Но все дело в том, что единственными жертвователями в России были купцы-старообрядцы, а торговые дела притягивали их к Москве, отчасти к Нижнему Новгороду. Так что все нынешние всхлипы телевизионщиков о широко поставленном деле благотворительности в старой России — мифотворчество. А о нынешней даже им неудобно говорить, ибо и русский бандит, и понятно чей олигарх скорее последнюю копейку у нищего отберут, нежели на что-то пожертвуют. Разве что с олигарха на синагогу по разнарядке спишут со счетов. Про кавказских торгашей и вовсе смешно говорить.

А уникальная русская благотворительность конца девятнадцатого — начала двадцатого века только дело старообрядцев.

— А я ведь тоже из калужских староверов поповского толка, — вступил Николай Андреянович, — я хоть и некрещеный, а вот в Калуге все мои двоюродные сестры и братья крещены. А глава этой ветви старообрядчества в Новозыбкове Брянской области ставку имеет: архиепископом Геннадий сейчас, именуется как архиепископ Новозыбковский, Московский и Всея Руси Древлеправославной русской церкви...

— Ну, раз так, то должны знать, что, даже несмотря на либерализацию и реформы Александра Второго, старообрядцы были под большим подозрением. До самого семнадцатого года они имели меньше гражданских прав, нежели евреи, которые столь плачутся по сей день об угнетении царизмом... Ведь приверженцам старой, то есть истинной, веры запрещалась любая госслужба, а значит карьеры военная, научная, университетская, государственно-служебная и прочая им были закрыты. А ведь народ душевно и физически здоровый, трезвый, образованный — куда силы и ум приложить? Вот поневоле и приходилось в третье сословие идти, в купечество. Зато и создали Россию промышленную, Европе равную!

А поскольку истинное православие начисто отрицает алчность и накопительство, разврат и мотовство, то не «бизнес» пресловутый довлел в жизни русского купечества — так фабрикатов и заводчиков по традиции называли — а своеобразная служба государству, Отечеству на ниве промышленности и крупной торговли. Если бы русский купец во всеуслышание объявил, как сейчас, что его главное дело «бизнес делать», то есть живет от и трудится ради чистой личной наживы, то его бы взашей из гильдии вышибли! Недаром царь купцов, как и военных, чиновников, медалями награждал... А вот излишек денег купец-старовер не на виллы на Лазурном берегу тратил, не сплавлял в зарубежные банки «про черный день», а тратил на благое дело — отсюда и самоназвание: церкви ставил, картинные галереи открывал, оперу строил и народные училища.

Вот такие-то дела. А вот что сближает Москву предреволюционную, особенно в годы империалистической, с нынешней, так сволочи разной расплодилось невиданно, что и случается перед революциями... и всемирными потопами.

Вы налегайте на крыжовниковое, молодые люди. Ныне оно редко, крыжовниковый куст повсеместно почему-то вырождается.

◆ — А вот народ совсем другой сейчас пошел, в основном разумом дебильный, хотя и с образованием. Здесь, как мне кажется, две основные причины. Первая — действительно, лучших представителей русской нации повыбили в Гражданскую и Отечественную. Надорвали они силы в сталинские пятилетки. Ведь известно: в трудные эпохи все держится на сильных духом и телом, потому и гибнут, надрываются они чаще. Это также как в девятнадцатом веке во Франции две вещи полностью изменились, точнее переродились: виноград после эпидемии филлоксеры стал совсем другой, видно геном его изменился в чем-то. Поэтому даже коллекционные вина урожая до эпидемии именуются «прафиллоксерой». Вкус у них, действительно, совсем иной. И так по всем сортам и по всем европейским винам. Уж мне поверьте, приходилось пробовать. А второе перерождение — французы после наполеоновских войн выродились; даже внешне они стали другими, что хорошо видно, когда рассматриваешь гравюры восемнадцатого века, живопись портретную и сравниваешь с нынешними.

Вторая же причина зиждется на присказке: всякая идея, доведенная до совершенства, есть абсурд. Ха-ха-ха! Эту присказку еще в гимназические годы откуда-то вычитал, а на третьем курсе института едва не вылетел подчистую из-за нее. Перед семинаром по философии — был такой мелкий повод — забежали в рюмочную и по стаканчику-другому, хоть и не прафиллоксеры, но ординарного портвейна выпили. Явились в самом веселом душевном настроении, вот и ляпнул по какому-то абст-

рактному поводу про абсурд. Забыл, что доцент наш из выдвиженцев, факультетский парторг. Вот он и взъелся: «Ах, абсурд? Вот как бывшие князья мыслят? По вашему получается, что и идея социализма...» Итак далее. Хорошо, что двадцатые, не тридцатые годы на дворе стояли! Все одно отцу пришлось звонить кому-то из кремлевских...

Впрочем, к делу. Такой вот идеей для русского, особенно советского, человека стала выраженная государственность и законопослушность. С другой стороны, иначе бы страна не выжила в этом веке. Круг замкнулся, но для нас вовсе нерадостно.

Вот и имеем то, что имеем: массу безвольных, трусоватых, отчасти подловатых людей. При советской власти эти качества отчасти подавлялись, ибо человек жил в коллективе, где, как говорится, и смерть красна на миру. Да еще было почти не испорченное крестьянство, крепкое старшее поколение, не совсем замусоренная молодежь.

Однако наступила горбачевщина, зыбкое равновесие сразу рухнуло. Главная причина здесь — если дать человеку неразумную волю, то биологическое в нем почти всегда побеждает социальное. Не совсем биологическое, конечно, а врожденное, многими поколениями воспитанное, вьевшееся. Короче говоря, новая власть целенаправленно возродила похороненный было инстинкт накопительства и частной собственности, опять-таки доведя это до абсурда.

А вот накануне революции в русском народе еще был силен дух общины, да и пропаганда революционная свое дело сделала.

◆ Игорь, которому наскучили рассуждения о вредности частной собственности и накопительства, опять же яхта без присмотра уже полдня, заторопил хозяина дома:

— Так все же революция зло России принесла или, как нас в школе советской учили, благо?

А начитанный от депрессии, которую он тщательно изучал до расстрела Дома Советов танкистами-гвардейцами, Николай Андреевич не преминул дать вводную:

— Много было прогнозов, причем со ссылкой на Столыпина и западных авторитетов начала века: если бы не революция и последовавший ход отечественной истории, то к пятидесятым-шестидесятым годам Россия, естественно, республиканская с номинальным монархом, имела бы полумиллиардное население и была ведущей державой мира. Как вы полагаете, хорошо помня Россию царскую, реально ли это в альтернативном, как сейчас модно говорить, ходе истории?

— Понимаете, молодые люди, самое неблагоприятное дело сочинять альтернативные истории. Как это ни странно, выборочно читаю современную литературу, внуки многое привозят. В том числе и пару этих «альтернативных романов» пролистал. Именно пролистал, хотя имею привычку читать тщательно. А просто неинтересно.

Так и гадания на кофейной гуще о России: что бы да кабы... Вы ведь, помните, по образованию инженеры? Да-да, по системам управления в военной технике. Тем более вы должны четко представлять: в современном мире, то есть мире последнего столетия, уже выполняется закон Владимира Ивановича Вернадского о переходе биосферы в ноосферу, то есть в сферу объединенного человеческого разума... или неразума; кто как представляет себе ход современной истории. Поэтому отдельной истории отдельного государства уже не может быть. Все нации и государства в их социальном, экономическом, геополитическом развитии образуют сложнейшую систему: где ниточку ни дерни — отзовется землетрясением на другом краю света.

Так что мечтания Столыпина, кстати, одноклассника моего деда Константина Евграфовича, если, конечно, этого ему не приписывают новейшие либералы, несколько оптимистичны. Здесь правота не за царскими министрами и американскими эконо-

мистами, но за Гегелем, Марксом и Лениным. За что последнего и уважал князь Константин Евграфович, сам человек недюжинного ума.

А правота основоположников и практиков — поэтому добавим сюда Иосифа Виссарионовича — в том, что, во-первых, история не имеет сослагательного наклонения; во-вторых и в основных, история есть отражение диалектики, целеуказание которой человеку знать не дано. И раз обосновал основоположник учение своего имени, что империализм есть высшая стадия капитализма, за которой следует его уродливое и страшное для всего человечества самоуничтожение, так оно и будет. Возможно, вы еще успеете увидеть это своими глазами. Заранее не завидую вам, молодые люди.

А Гегель Георг Вильгельм-Фридрих, как вам хорошо известно, среди множества других законов сформулировал гениальнейший — это который о развитии по спирали. Спираль эта означает, во-первых, что вчерашнего дня не вернуть, поэтому и нынешняя реставрация якобы «капитализма» временна; а, во-вторых, история движется методом проб и ошибок, «пробного нащупывания», как называл этот процесс ученый-иезуит Пьер Тейяр де Шарден, ученик Вернадского по Сорбонне. Таким нащупыванием социального устройства мира, что неизбежно придет на смену вконец оскотинившему капитализму-империализму, в нашем веке явились две прорывные модели социализма: интернациональная в СССР-России и национал-шовинистическая в Германии. В определенном смысле, хотя и неявном, с определенной осторожностью сюда можно отнести и социальные аспекты итальянского фашизма.

Наиболее жизнеспособным, адекватным истории оказался советский социализм. Именно СССР фактом и действительностью своего существования за семьдесят лет задержал капитализм в его устремлении к краху. Но — это хорошо, поскольку крах этот вполне может оказаться и гибелью человечества, после чего история застопорится уже на столетия.

Михаил Вячеславович, утомившись от длинных фраз, произнесенных отработанным профессорским голосом, занялся разливанием чая новой заварки — со смородиновыми листьями.

◆ Выпив по стакану замечательного ароматного чая, сопроводив его рюмочкой настоящего «арарата» — от хлебосольного хозяина, собеседники вернулись к увлекательной беседе. Понятно, что склонный к философствованию Николай Андреевич с удовольствием выслушал рассуждения хозяина дома о диалектике исторического развития, но конкретного бизнесмена Игоря более интересовала практическая история:

— Так все же, Михаил Вячеславович, в чем отличие Октябрьского переворота семнадцатого года, свидетелем которого вы являетесь, и, так сказать, нового октябрьского же переворота девяносто третьего? Здесь-то мы все живые свидетели. Может, это и есть соседние витки гегелевской спирали? Ведь похоже на то.

— Так, да не совсем так. Во-первых, тогда была революция, а ныне случилась контрреволюция, следует мыслить определенными категориями. Как ни блуди словами, но любой социум, государство является либо социальным, либо же либеральным. Революция семнадцатого года имела следствием создание уникального социального общества с девизом: поначалу по одежке протягивают ножки, но — все вместе, без исключений. А по мере роста национального достояния — улучшение условий жизни, опять же для всех одинаково. Как было в СССР, как было в Третьем рейхе. Понятно, что такая высокосоциальная система требует предельной централизации, которая возможна только при увлеченности идеей. Что опять же имело место быть. И приоритет государства над личностью.

Либерализм же — и опять же он в современной Россиянии сверхординарный —

предполагает приоритет личности над интересами государства. Извините, молодые люди, за краткое введение из учебника политологии, а может, и из хрестоматии по научному коммунизму...

Но дальше все просто. Все дело в характере русского народа — это к истории революции семнадцатого. А другая сторона этого же характера — нынешняя контрреволюция. Удивлены? Да, это может сказать только очевидец почти века отечественной истории. Однако, любознательные молодые люди, к сожалению, я как та кинозвезда — нарасхват. У меня сейчас гостит один и очень даже известный художник из Москвы. Впрочем, фамилия неважна. Он с утра раннего, еще до вашего явления, ушел во-о-н в тот лесок подыскать нужное по пейзажу место, а мне велел явиться к полудню. Будет живописать мою парсуну, как говорили в старину — по заказу Института геронтологии. Я и не лицемерил особенно, согласился. Тем паче, что оный художник мой давний знакомец.

А концовку нашей беседы вы найдете вот в этой книжке, в заключительной главе. Издал ее, что называется, для близкого круга смешным тиражом, потому, извинюсь, презентую одну на двоих.

После недолгого, но сердечного прощания путешественники отправились во-свояси. Оглядываясь, они видели неспешно удаляющуюся фигуру слегка согбенного князя в дедовской соломенной шляпе с повисшими полями.

◆ Руки до изящно изданной, эстетически удлинненной книжки с золотым тиснением дошли только по возвращении домой. Игорь великодушно уступил честь первочтеца Николаю Андреяновичу: почти двухнедельное отсутствие навалило текущих дел по бизнесу. «А я поздней осенью, когда у нас поставки уменьшаются, свободное время появляется — тогда и прочту».

Николай Андреянович, как истовый книголюб, прочитал в два присеста всю книгу, начав с посвящения: «Моему деду, князю Константину Евграфовичу Белосельскому». Заключительную же главу с названием «Необидный гимн русскому народу» (и вся книга написана с тем умным юмором, который принято называть английским; назначение же его — давать разрядку при чтении серьезных вещей) Николай Андреянович прочитал дважды:

«Итак, терпеливый читатель, глава последняя.

*Ах, боже, сколько скуки
В искусстве палача,
Не брать бы вовсе в руки
Тяжелого меча.*

Так писал классик поэзии русского «серебряного века» Федор Сологуб, у которого учился в знаменитом Царскосельском лицее мой отец. Надеюсь, что не палачом нашей истории предстаю в этих записках, но вековым наблюдателем и участником. Понятно, участником — по мере не скудного, но и не такого уж великого ума. Руки тоже вроде из нужного места растут.

Многие, почти все в стране и в мире, не задумываясь, скажут: не повезло русскому народу в этом веке, да и вообще не везло за всю тысячу лет истории (если только профессора Фоменко и Носовский в своей «альтернативной истории» не укоротят оную до полутысячи!). Я вот своими глазами видел почти полностью наш век, кровавый и великий век двадцатый. Это мое преимущество в оценке вещей и события. Есть и другое преимущество: я — трижды русский (это как в анекдоте: дважды еврей Советского Союза...): по рождению, по княжескому достоинству от рюриковичей, наконец, как потомок хоть недолгих, но — старообрядцев, то есть древлеправославных ревнителей Отечества.

Как понять русский характер и (даже сквозь слезы нынешнего уничтожения) возгордиться им? Прежде всего следует перестать задаваться дурацкими вопросам, навеянными либералами XIX века: «кто виноват?» и «что делать?». Самое главное — не винить во всех бедах монголов с татарами, евреев Хазарии и нынешних, привнесенных в Россию Екатериной Второй с аннексированной Польшей. Не надо все сваливать на недружественную Европу, неблагодарных кавказцев, американский империализм, происки масонского тайного Мирового правительства... Не надо. Ведь, в конце концов, татары стали носильщиками при вокзалах и швейцарами-официантами в московских трактирах и кабаках (при царях; впрочем и сейчас). Монголы в эпоху СССР управлялись из Москвы постоянно проживавшим там Юмжагийном Цеденбалом. Хазарских евреев разгромил Святослав, а нынешние, исключая занятых делом «олигархов», скоро все улетят на Брайтон Бич (не в Израиль!). Европу скоро самому заполонят «иных времен татары и монголы» (Рубцов): турки, албанцы, негры и арабы. Америка тоже не вечна, — на нее ополчился весь мусульманский мир. Сложнее с тайным мировым правительством — потому что оно тайное.

Относительно же второго, сакраментального вопроса... Что тут сказать? Как мне кажется, в изначальной своей постановке вопрос этот, как бы это мягче сказать, неадекватен. Отвлекитесь от высоких штилей, перенесите вопрос на обыденные вещи и отношения. Кто задает в жизни себе такой вопрос? Правильно, полные бездельники. Нормальный, мыслящий, работающий человек знает что ему делать. А теперь перенесите это обратно на уровень нации, социума, государства... Думаю, все здесь понятно.

Еще либералы всех времен любят цитировать одного остроумца: Россию губят плохие дороги и дураки. Но дураков всюду полно; неизвестно где их больше; мне кажется — в европах и америках. Про японцев и китайцев ничего не могу сказать: у них лица одинаковые, а глаза прищуренные, то есть все косят под умных...

А вот насчет дорог возражаю. Как геолог, то есть человек подвижной профессии, много повидал и в разные времена: царские, советские, нынешние торгово-воровские. Дороги как дороги — по средствам и по потребностям. Не берут во внимание специфику нашей дорожной инфраструктуры ввиду громадности территории: грузо- и пассажироперевозки на дальние расстояния, то есть между областными центрами осуществляются развитым (здесь уж и не подкопаешься!) железнодорожным транспортом, а в пределах города, района и отчасти области — автомобильным. Все были довольны, все соответствовало плановому хозяйству. А вот теперь понадобились сверхдлинные автомобильные дороги с лаковым покрытием, чтобы бандитам и прочим честным предпринимателям на «мерсах» разъезжать, а дальнбойщикам сникерсы и памперсы по городам и весям развозить.

Однако вернемся к русскому человеку, его оригинальному характеру.

В последнее время появилось множество инсинуаций в отношении выдающихся личностей. Не забыли и Павлова Ивана Петровича. Дескать, тот где-то и кому-то писал на склоне лет, что более всего гордится не Нобелевской премией за пищеварение, не открытыми им секретами физиологии высшей нервной деятельности, но гениальной догадкой: русский человек слабоват разумом (?!). Во-первых, сейчас что угодно могут сочинить и тиснуть через печать, а во-вторых, не совсем понятно: что мог иметь в виду наш выдающийся ученый?

Может, он, человек желчный и мрачно ироничный (это только я и подобные мне немногие могут любя говорить; у вас уже такого права нет), под словами «слабоват разумом» подразумевал, что русский человек, говоря нынешней «феней», не умеет из всего деньгу вышибить, слабо реален в житейских делах, добр до облопошенности и так далее? Но разве это плохо — с нашей, конечно, русской позиции!

И это хорошо, что хоть один такой народ в мире сохранился до конца XX века! Но

для этого пришлось в Гражданскую много друг друга перебить — а вся сволочь, против которой и восстал народ, успела за границу сбежать. До хрущевского, хоть и временного, лично мстительного, но — либерализма народ был бдителен. Но — и это еще одна характерная черта нашего характера — добродушие русского человека преступно до безумия. А потеряв бдительность, не заметили, как за какие-то двадцать лет народилась новая сволочь, чем и воспользовался враг России-СССР, да и всего мира.

Не будем резюмировать содержание этой книжки. В ней, как я полагаю, имеются здравые мысли, вывод из которых: контрреволюция 90-х годов и революция семнадцатого не имеют между собой ничего общего. Даже такой пикантный момент, как главенствующая роль известно кого (комиссары в семнадцатом, олигархи сейчас), здесь ничего не решает. А главное отличие: если в Октябрьскую революцию главным действующим лицом был русский народ с неиспорченным характером, то сейчас без боя сдали СССР-Россию агентам мирового Антихриста люди без воли, без храбрости, с заглушенным инстинктом самовывживания. Проще говоря, к моменту «X» народ трансформировался в биомассу. Но и противник достоин что-то вроде уважения — за мастерство. Взяли за горло, как того часового, что Чапая проспал...

А что дальше? Дальше будет действовать гегелевская диалектика; понятно, что следует за контрреволюцией.

Самое интересное, что биомасса очень скоро вновь обретет достоинство русского народа. В этом и сила, неуничтожимость исконного русского характера. Крестьянин устанет водку и самогон пить. Рабочий вспомнит о забастовках петроградцев, сваливших царя и Керенского с компанией. Интеллигенция, понятно трудовая, опомнится. А искусственный «средний класс», включая бандитов, уже не нужный устроителям *neues Ordnung*, к этому времени в протестующих люмпенов превратится — костяк штурмовых отрядов. Сложнее с гигантски разросшимся чиновничеством и полицией-милицией. Но и здесь выход будет найден.

Мы живы, это главное».

Татьяна Камаева
(г. Москва)

Прозаик, член Союза писателей России и Творческого клуба «Московский Парнас». В «Приокских зорях» публикуется впервые.

ЦЫГАНСКАЯ ЛЮБОВЬ

Когда погиб отец, наша семья решила переехать из Подмосковья в свой родной город Сухой Лог, который находится недалеко от Екатеринбурга. На Урале для меня все было ново и необычно. Даже название города Сухой Лог мне казалось таинственным и загадочным. А какая зима на Урале! Столько снега я еще не видела никогда в жизни, все белым-бело: и земля, и деревья, и дома,— из центра города снег вывозят, а вот на окраинах можно встретить сугробы в человеческий рост. А как умеют здешние люди веселиться! Они устраивают проводы зимы, карнавалы, шествия, каждую субботу возле центрального клуба играет духовой оркестр, а на стадионе в праздничные дни выступают известные певцы и актеры. Только здесь я увидела и услышала, как говорят, в живую Кобзона, Королеву, Маршала, Расторгуева и еще много других известных людей. Сам городок небольшой, но чистый и уютный. И люди здесь совершенно другие. Когда идешь утром на работу, то, кажется, что все вокруг знают друг друга. Все приветливо улыбаются, здороваются, останавливаются и успевают спросить о здоровье, о детях и поделиться своими радостями и заботами. Это не Москва, с вечно спешащим куда-то потоком людей, в этом потоке не увидишь человеческого лица, только затылки, спины и опущенные головы. В мегаполисе надо учиться выживать, надо влиться в струю, уловить ритм жизни и успеть попасть в этот ритм, иначе тебя выбросит на обочину и, в лучшем случае, ты будешь вечно догонять этот поток, а еще хуже, если отстанешь от него, споткнешься и упадешь, а подняться уже будет очень тяжело. Хорошо, если найдется рядом человек, который сможет подставить плечо или протянуть руку, чтобы помочь вновь обрести жизненные силы. Москва — это вечная суета, агрессия и пробки. Здесь люди живут по другим законам, этот закон страшный, его называют законом джунглей, где каждый сам за себя.

— Здравствуйте,— услышала я женский голос.

Подняла голову и увидела красивую молодую цыганку, она приводила ко мне на прием дочку, у которой обнаружилась близорукость.

— Доброе утро.

— Я ваша соседка,— продолжила разговор цыганка.

— Знаю. Дочка привыкает носить очки?

— Ой, спасибо, доктор. Она их носит на резинке, чтобы не потерять...

Молодая цыганка все говорила и говорила, как будто мы были знакомы с детства. Так незаметно и дошли до больницы.

Да, нашими соседями через дорогу была цыганская семья. Вообще в Сухом Логу много цыган, они очень дружные, живут в больших домах. Здесь не увидишь цыганок, которые пристают к тебе со своим гаданием или выманивают деньги. Наши соседи занимались ремонтом машин. Каждый день, проходя мимо их дома, я замечала, как молодой мужчина провожает меня внимательным взглядом. Он был выше среднего роста, с черной кучерявой шевелюрой, с пухлыми губами и с горбинкой на носу. Через некоторое время он стал приветствовать меня улыбкой и кивком головы. Когда он улыбался, я поражалась белизне его зубов и красоте губ.

А в Москве у меня остался любимый человек, который каждый день присылал мне письма по электронной почте. Мы знакомы были уже два года, он работал в строительной фирме. Дела шли хорошо, и Евгений начал строить собственный двухэтажный дом. «Это будет моим свадебным подарком», — говорил он при встрече, но строительство затягивалось, и свадьба откладывалась. Перед отъездом на Урал я надеялась, что он будет уговаривать меня остаться, но на вокзале Женя обнял меня и сказал:

— А может быть, и к лучшему, что ты уезжаешь, я постараюсь быстрее достроить дом и приеду за тобой.

— Звони мне чаще и скучай, — сказала я сквозь слезы и вошла в вагон.

Он не стал ждать отправления поезда, объяснил, что срочные дела, помахал рукой и ушел. Я смотрела ему вслед, пока он не скрылся в потоке людей.

Говорят, что любовь проверяется разлукой, но я никогда не знала, что так тяжело буду переносить эту разлуку с Евгением. На работе я целыми днями ждала его звонка, затем спешила домой к компьютеру, чтобы прочитать его письма и написать свое любовное послание. А если от него не было весточки, то я не находила себе места и звонила, чтобы услышать родной голос. Я стала рабой компьютера и мобильного телефона, мне хотелось думать только о нем, слышать только его. Знаю, что есть разные виды влюбленности: бывает любовь на месяц, на год, на несколько лет, я думала, что моя любовь — на всю жизнь. Так пролетали дни и проходили месяцы. Как-то от Евгения не было два дня писем, телефон был недоступен, я разволновалась и стала слать эсмэски: «Что случилось»? «Прости, если обидела». «Евгений, у тебя все в порядке»? И он ответил, что сейчас денежный кризис, что это сильно бьет по карману, что теперь не до лирики. Я не знала, что ответить, не знала, что делать и как жить дальше без его голоса, писем и любви. Мне так хотелось, чтобы он понял, что только любовь спасет от отчаяния. Кризис — это деньги, а деньги — это всего лишь деньги. Сегодня их нет, а завтра они есть — это мы уже проходили. Кризис — это не смерть, переживем. Страшнее всего потерять любовь. Как помочь ему понять, что только любовь прибавляет силы и стимулирует жизнь. А если в сердце не живет любовь, то, в каком состоянии пребывает душа? Она спит или умирает? Если в душе нет любви, то жизнь этого человека становится черно-белой, его не волнуют облака, звезды, а дождь для него — это не разноцветные капельки с неба, а слякоть и грязь. Мне жаль, что мир для Евгения потерял краски. Жаль, что он до сих пор не понял, что самое дорогое в жизни — это человеческие отношения, которые не измеряются наличием денег, в человеческих отношениях самое высшее — любовь.

Моя любовь искала выхода, а от Евгения вот уже целый месяц не было ни звонков, ни писем. Я продолжала посылать ему эсмэски: «С добрым утром! Береги себя», «Хорошего тебе дня, пусть дела твои наладятся»... В ответ получила: «Больше сообщений не присылай, все просматривается. Будет время, напишу». Я ничего не поняла, где просматривается, кто просматривает, но выполнила его просьбу.

У меня была семья, работа, но ни друзей, ни подруг не было, да и любимого, видимо, я потеряла навсегда. Друзья наживаются с детства, а я приехала в этот милый городок в двадцать три. В эти годы человек сам принимает решение — переезжать ему или остаться с любимым человеком, но я не могла оставить маму одну с тремя

детьми на руках. Коле исполнилось семь лет, Толику не было и четырех, а малышу Никитке всего десять месяцев, мама родила его больным и недоношенным после трагической смерти отца.

Наступила весна, зацвела черемуха. В народе говорят, что черемуха цвет к заморозкам, и они не заставили себя ждать. После теплых и солнечных дней землю подморозило, и надо же было мне упасть прямо напротив соседского дома. Сосед с кучерявой шевелюрой выбежал, как молния, поднял меня на руки, прижал к себе и понес домой. Я чувствовала мужские крепкие руки, мускулистую грудь и, кажется, слышала, как учащенно бьется его сердце.

— Тебе,— он запнулся,— вам не больно?

— Сильно жжет правую ногу,— ответила я.

— Меня зовут Михаил, а вас Екатерина Дмитриевна, вы лечили мою племянницу Рубинку.

— Рубина хорошая девочка,— ответила я.

Мама, увидев, что меня несут на руках, открыла дверь, пропустила Михаила в комнату, он положил меня на кровать и, покраснев, стал осматривать ногу.

— У вас перелом, надо вызвать «Скорую»,— озабоченно произнес он.

— Откуда вы знаете? — спросила мама.

— Это у нас наследственное,— он улыбнулся своей красивой белозубой улыбкой,— моя бабка любую хворь выгоняет, мать заговорами лечит, а я кости могу вправлять. Сам не знаю, как у меня получается, а вот отец только машины умеет «лечить», то есть ремонтировать.

В больнице мне сделали рентген и наложили гипс.

— Вас есть, кому отвезти домой?— спросила медсестра.

— Есть,— услышала я голос Михаила.

Он снова поднял меня на руки и отнес в машину.

— Спасибо.

Михаил посмотрел мне в глаза и сказал:

— Когда выйдешь за меня замуж, я буду всю жизнь носить тебя на руках.

— Я выйду за вас... замуж? С чего это вы взяли? И на «ты» мы еще не переходили.

— Извините, Екатерина Дмитриевна, а я на вас все равно женюсь.

— А как же любовь?

— Я полюбил вас сразу, как увидел. Цыганское сердце не ошибается. Да и старая цыганка мне предсказала, что женюсь на русской с царским именем и с цыганской кровью.

— Бред какой-то! Во мне нет цыганской крови. Отвезите меня домой, пожалуйста.

Машина осторожно двинулась с места. Всю дорогу мы молчали, у дома он хотел подхватить меня на руки, но я сказала, что попробую как-нибудь добраться на одной ноге.

— Сама будешь передвигаться, когда рядом не будет меня,— обижено сказал Михаил и с легкостью внес меня в дом, шепнув на прощание:

— А я все равно на тебе женюсь, царица моя.

На следующий день он опять пришел к нам, принес костыли, поставил их возле кровати и спросил:

— Как самочувствие, где болит?

— Спасибо, хорошо...

— Хорошо, хорошо, а чего тут хорошего? Скоро огород сажать, а вы, царица Екатерина, в гипсе и мамке не помощница,— он постоянно переходил с «ты» на «вы».

— Ничего, как-нибудь справимся. Мир не без добрых людей. Да и родственники нам помогут.

Он не хотел уходить, а я не знала, о чем с ним говорить. Помогла мама, она пригласила нас к столу. Я взяла костью и попыталась пройти несколько шагов, но споткнулась и оказалась в руках Михаила.

— Я же сказал, что сама будешь передвигаться, когда не будет меня рядом,— улыбаясь, сказал он, а потом добавил: — Прости, что на «ты».

В комнате пахло черемухой и сиренью.

— Это Миша принес два огромных букета,— пояснила мама.

В дом не вошла, а вбежала запыхавшаяся бабушка и прямо с порога выпалила:

— Баба Варя умирает! Истопила баню, попарилась, а потом оделась во все новое, что на смерть приготовила. Попросила привести к ней Катюху.

Варя — это мама моей бабушки, значит, моя прабабушка. Ей уже девяносто шесть. Но до сегодняшнего дня она сама управлялась по дому и ни к кому переезжать не собиралась. Жила она через восемь домов от нас.

— Поторопись, Катюша,— сказала бабушка.

— Я же сломала ногу! Не могу быстро...— Но последние слова договаривала уже на руках у Михаила.

Он нес меня через всю улицу. Встречные люди ласково улыбались и здоровались с нами. Мне было неловко, и я уткнулась в его грудь.

Когда мы появились у бабы Вари на пороге, она, увидев Михаила, выронила из рук стакан с настоем из трав. Он ударился об пол и разлетелся на осколки.

— К счастью,— заметил Михаил.

— От судьбы не уйдешь,— прошептала бабушка Варя.

И стала рассказывать нам историю, которую никто в нашей родне не знал.

— Это случилось, когда цыгане еще не жили оседло, а таборами кочевали по свету. Как-то раз такой табор забрел в таежный город Арбакант и расположился на поляне возле речки. В этом городе цыган никогда не было, какая беда привела их в эти края, никто не знал, но подозревали, что у них не все ладно с законом. Цыгане разбили шатры и жили уже целую неделю. Вечерами местные парни и девушки приходили в табор посмотреть на костры и послушать цыганские песни. В таборе много было молодых парней, но один был очень красив и статен. Все местные девчонки влюбились в него, только Устинья боялась подходить близко к шатрам. Она встанет в створке и ждет, когда все нагуляются, или отойдет подальше, расплетет тугую косу, войдет в реку и начнет мыть голову. Намочит аккуратно волосы, чтобы не спутать, затем полощет их в проточной воде, а потом откинет их назад и стоит, как русалка, по пояс в воде. Волосы у нее были волнистые непослушные и такие длинные, что только с помощью подруг она могла их расчесать и заплести в косу. Как-то раз Устинья выходила из реки с распущенными волосами, она была похожа на богиню, спустившуюся с небес. Ситцевая рубашка прилипла к мокрому телу, и сквозь нее можно было увидеть ее стройную фигуру, красивую грудь и упругие бедра, она шла на длинных ногах с высоко поднятой головой, то ли от тяжести волос, то ли от природы. Поговаривали, что она незаконнорожденная дочь заезжего дворянина. Такую Устинью и увидел красавец-цыган. Девушка испугалась и побежала, но не к подругам, а в обратную сторону. Теперь она была похожа на вихрь: черные волосы развевались на ветру, рубашка раздувалась парусом, босые ноги мелькали так быстро, что парень не мог догнать ее, но вдруг он услышал крик и увидел, как «парус» стал крениться и упал. Ганзар подбежал и увидел на земле распростертое тело девушки, уже темнело, но и в сумерках он рассмотрел ее большие изумрудные глаза, брови, как два крыла испуганной чайки, приподнялись и застыли на лице. Устинья попыталась встать, но не могла. Ганзар поднял ее на руки и понес в табор.

— Ты почему испугалась меня?

— А зачем ты подглядывал за мной?— она хотела освободиться из его рук.

— Я давно смотрю на тебя. Не бойся, ничего не будет без твоего согласия. И не вырывавайся, сама все равно идти не сможешь.

— Почему это я идти не смогу?

— У тебя нога сломана, я конский лекарь и костоправ, сам не знаю, как это у меня получается. Бабушка моя тебя быстро на ноги поставит, а мамка боль заговорит...

Баба Варя закашлялась, а я украдкой посмотрела на Михаила. Его глаза горели огнем надежды, он внимательно слушал рассказ и с большим нетерпением хотел узнать, что же случилось дальше.

«Девушка пробыла в таборе целый месяц,— продолжала баба Варя,— нога зажила, а тело, душа и сердце — все принадлежало Ганзару.

Когда в очередной раз Устинья выходила из реки с распущенными волосами, а Ганзар любовался ею с берега, подошел местный парень, который тоже заглядывался на Устинью, и спросил:

— Ты что, теперь останешься в таборе? Кто ж из наших на потаскушке женится?

— Дурак, ты Гришка,— ответила девушка и заплакала.

Глаза у Ганзара налились кровью, он в два прыжка настиг обидчика, свалил с ног и закричал: «Я всем вправляю кости, а тебе переломаю!» Они сцепились и стали молотить друг друга, куда ни попадя. Устинья, не успев одеться, побежала в табор за помощью. Когда сбежались люди, то увидели на земле два окровавленных тела. У Григория чуть выше бедра была видна ножевая рана, из которой текла кровь, образующая бурю лужу, а у молодого цыгана в груди торчал нож и пульсировал в такт сердца еще несколько секунд. Откуда Ганзару было знать, что Григорий самый лучший забойщик скота у нас в округе. Цыгане хотели броситься на русского парня, но старый цыган преградил им путь и что-то прокричал на своем языке, потом подозвал пожилую женщину и указал на Григория. Она наклонилась, пошарила у себя в складках юбки, достала то ли пепел, то ли измельченную траву, промыла рану, засыпала порошком, затем вынула пузырек с черной резко пахнущей жидкостью, влила содержимое парню в рот, тот открыл глаза, встал и пошел, опустив голову, подальше от табора. Его никто не тронул, не остановил, не окликнул, видимо, цыганские законы выше законов писанных. Тело Ганзара подняли с земли и понесли в табор. Устинья осталась стоять одна в мокрой рубашке и с распущенными волосами, она еще не осознавала, что произошло, затем упала на то место, где только что лежал ее любимый, оно еще сохраняло его тепло, и долго смотрела в небо, но не видела ничего, кроме черной пропасти. Она пролежала до вечера, время для нее остановилось. Ей казалось, что не только время, но и жизнь остановилась. Устинья очнулась от прикосновения чьих-то рук — это была мать Ганзара, еще молодая и красивая женщина. Цыганка взяла ее руки, долго разглядывала ладони, потом внимательно посмотрела в глаза и сказала: «У тебя родится от Ганзара девочка, замуж пойдешь за его соперника,— она посмотрела в ту сторону, куда ушел Григорий,— в вашем роду будет рождаться только по одной девочке, а остальные — мальчики. В пятом поколении ваша родственница снова полюбит цыгана, передай ей вот это кольцо, оно даровано мне очень богатой особой, которой я помогла вылечить единственного ребенка». Сказав это, цыганка достала кольцо, вложила в руку Устиньи и пошла к табору, который уже поднялся и покидал поляну, оставляя тлеющие костры, кучки хвороста, палки и всякий ненужный мусор»,— бабушка Варя перевела дух, посмотрела на Екатерину и спросила:

— Смекаешь, о ком говорила мать Ганзара? А Устинья была моей мамкой, только перед смертью она рассказала мне, что отец мне неродной.

— Бабушка, так твоим отцом был тот самый цыган Ганзар,— с удивлением сказала я.

— Не перебивай, Катенька, смерть стоит у меня за спиной, торопит,— она за-

кашлялась, протянула ко мне руку и вложила старинное кольцо.— О тебе говорила цыганка, ты девочка в пятом поколении.

Потом бабушка глубоко вздохнула, закрыла глаза и с последним выдохом произнесла: «Благословляю»...

Я услышала всхлипывание за спиной и увидела плачущую бабушку Лену, которая впервые узнала, что ее дедом был чистокровный цыган, рядом с бабушкой стояла мама с глазами полными слез, только Михаил светился от счастья.

Лето быстро сменило весну. Я стала замечать, что часто смотрю в окно и жду, когда в доме напротив появится Михаил и улыбнется своей необыкновенной улыбкой. Он не докучал мне своими ухаживаниями, только при встрече посмотрит на меня бездонными глазами, в которых я начинала тонуть, и уверенным голосом скажет:

— Моя царица, уже этой осенью свадьбу будем играть.

— Все-то ты знаешь, а я вот не пойду за тебя.

— Пойдешь, пойдешь. Вот как только рана на душе совсем заживет, так и полюбишь меня, я тебя не тороплю.

— Какая рана?— опустила голову.— Ах, забыла, что цыгана не обманешь.

Каждое утро я находила цветы на окне, на скамейке, в почтовом ящике, но Михаила давно уже не встречала. Специально просыпалась пораньше, чтобы увидеть его. Выходила на улицу подметать возле дома, чтобы заглянуть в их окна, но за окнами никого не было. Однажды, увидев Рубину, я поинтересовалась, где ее дядя Миша, она хитро улыбнулась и ответила, что он уехал. Тоска поселилась у меня в душе, и какое-то чистое чувство, как ствольные клетки, стало разрастаться во мне с удивительной силой, оно вытесняло старые воспоминания о Евгении, от которого уже пять месяцев не было вестей. Я была рада, что освобождалась от чего-то неопределенного, тяжелого и смутного. Бог снова подарил мне любовь.

Лето шло на убыль, кончался мой отпуск. «Скоро с головой окунись в работу»,— думала я, глядя в окно. Вдруг к нашему дому подъехало такси, из которого вышел Евгений. Он всегда любил появляться неожиданно и красиво.

Я выбежала к нему навстречу, открыла калитку и увидела человека, которого, как мне казалось, безумно любила, из-за которого не спала ночами, страдала, мучилась и плакала, уезжая из Москвы. Наши взгляды встретились, и я заметила, что у него белесые брови и ресницы, а лицо рыжее с маленькими бегающими глазками, только красивый рот с чувственными губами улыбался мне. Правду говорят, что любовь слепа. Теперь он казался мне обыкновенным молодым человеком, каких много вокруг меня, не единственным, а одним из многих.

— Здравствуй, Катенька, я приехал за тобой,— радостно сказал Евгений, протягивая букет роз и коробку конфет.

— Здравствуй, проходи в дом, что стоять на улице,— взяв букет, я посмотрела в окно напротив, где мать Рубины что-то с волнением говорила по мобильному телефону, глядя мне прямо в глаза.

— Катя, я не понял, ты что, мне не рада?

— Ты не понял,— сказала я спокойно,— да тебе и не понять, мы живем с тобой в разных измерениях. Для тебя любовь — это лирика, а для меня — дар Божий. Мне жаль тебя.

— Катюша, ты разлюбила меня?

— Ты убил во мне любовь! Пойми, она не зависит от наличия денег или мирового кризиса. Люди во имя любви отдавали самое дорогое — жизнь, шли на казнь, отказывались от состояния, от титулов, от царства, наконец. А ты положил нашу любовь на плаху во имя спасения своей фирмы и денег. За деньги можно купить положение в обществе, построить большой дом, приобрести яхту на метр больше, чем у соперника, но ведь счастье и любовь за деньги не купишь.

— Но я же приехал за тобой. Я достроил дом, дела наладились.

— А если снова будет политический, экологический, экономический или какой-нибудь там другой кризис, у тебя опять для меня не останется в душе места?

— Но я же приехал...

Шум подъезжающей машины прервал наш разговор. Из нее вышел Михаил лишь в майке и брюках. Майка позволяла увидеть его крепкое тело, сильные руки и широкие плечи. Он посмотрел на меня своими бездонными глазами, в которых я прочитала не тревогу, а вопрос.

— Познакомьтесь. Это мой муж Михаил, а это,— на долю секунды я запнулась,— мой старый знакомый Евгений, он спешит на вокзал.

— Моя царица, пора показать тебе наш замок, который я построил для тебя,— сказал Михаил, поднял меня на руки и понес в машину, а на ухо шепнул: — Вот теперь твоя рана окончательно зажила.

— Спасибо, тебе...

Но он не дал мне договорить, наклонился и поцеловал, я закрыла глаза и окунулась в бурное море любви, блаженства и грез.

ПРОДАЮ ДЕВСТВЕННОСТЬ

Марина долго искала выход из создавшегося положения и не находила. Чтобы достать деньги, надо что-то продать, и она решила продать свою невинность. После завтрака, девушка закрылась у себя в комнате, взяла бумагу и целый час писала объявление: «Продаю девственность, дорого! 0-925-032-09-73»,— потом ходила по городу и расклеивала их на столбах, киосках и дверях подъездов...

За этим занятием Виктор Моисеевич и застал ее, возвращаясь с Арчибальдом домой. Девушка испуганно отступила, увидев собаку, но хозяин успокоил, сказав, что пес очень деликатный, и ее не тронет. Прочитав объявление, которое она развешивала, мужчина спросил:

— Сколько тебе лет?

— Скоро восемнадцать,— смущенно ответила девушка.

— А как твое имя?

— Марина.

— Марина, пойдем ко мне пить чай,— настойчиво предложил мужчина.

— Мне домой надо, скоро придет отчим, и если я задержусь, будет ругать меня,— с испугом сказала она.

— Пойдем, пойдем, мы — быстро.

Он взял ее под руку и повел вверх по ступенькам. Девушка хотела освободиться, но мужчина уже открыл дверь и пропустил ее в коридор. Навстречу вышел молодой человек.

— Дед, ты с красивой гостьей, а я чай поставил,— сказал он.

— Познакомьтесь — это Игорь, мой внук, а я — Виктор Моисеевич.

— Марина,— ответила девушка.

Игорь подчеркнуто артистично взял ее руку и поцеловал.

— Ой, она в клею!

— Так иди мой, я провожу,— сказал Игорь. И повел ее в ванную комнату, когда они вернулись, то на столе уже стоял большой заварочный чайник с нарисованными по бокам гроздьями винограда, а рядом горделиво возвышался электрический самовар с кипятком. К чаю подали печенье, конфеты, кусочки торта и еще разные сладости. «Вчера моему внуку исполнилось двадцать четыре года, это остатки роскоши»,— сказал Виктор Моисеевич.

Пока остывал чай, Марина стала рассматривать комнату. Все в ней было как-то к месту, уютно и по-простому. В углу стоял старый комод, на котором расположились всякие фарфоровые зверушки. Только с первого взгляда казалось, что они беспорядочно толпились на комод, но, если внимательно присмотреться, то можно заметить, как они тщательно расставлены по группам. Вот стадо барашков и козлик, а возле них собака, отпугивающая опасного гостя — волка. На синей вязаной салфетке овальной формы, заменяющей, по-видимому, озеро, стояли два лебедя. За «озером» — зеленая лужайка, где резвились зайцы с зайчатами, а дальше был лес с медведем, лисой, и в самом углу стояли слоники. Игорь, перехватив ее взгляд, объяснил, что это все собирала бабушка, которой не стало год назад. За столом на некоторое время воцарилось молчание. Каждый молчал о своем. А Марина подумала, почему ей с этими незнакомыми людьми так хорошо и легко.

— Ты чем занимаешься?— спросил Игорь.

— В этом году оканчиваю школу,— ей меньше всего хотелось сейчас говорить о себе.

Марина поспешила отблагодарить за приглашение и засобиралась домой. Игорь пошел провожать ее. По дороге она узнала, что он учится в аспирантуре и занимается научной работой.

— Вот только и остается попить чай с красивой девушкой и прогуляться, провожая ее домой,— грустно добавил он.

— А мы уже пришли,— сказала Марина,— до свидания.

— А когда?

— Что когда? — не поняла она.

— Свидание? — спросил Игорь.

— Тебе же некогда, да и у меня, по правде сказать, нет времени. Скоро экзамены в школе,— уклончиво ответила девушка.

— А в какой школе ты учишься?

— В пятнадцатой. Пока, пока!

Она помахала рукой и вбежала в подъезд.

Дверь открыл отчим. Прижал ее так, что в груди Марина ощутила боль, поцеловал в щеку, затем со словами: «Я еще доберусь до тебя»,— смачно ударил по заду. Рассказать все матери она не решалась, у нее и так слабое сердце — следствие жизни с мужем-алкоголиком. Она мучилась с ним почти пятнадцать лет, однажды он не пришел домой — это было зимой, а нашли его замерзшего в сугробе только весной, когда начал таять снег. На Урале, если снег выпадет, то будет лежать до весны, а погибших под снегом людей в народе называют «подснежниками».

Послышалась мелодия мобильного телефона. Говорил незнакомый мужской голос:

— Я по объявлению.

— Да, я слушаю,— сказала Марина.

— Это ты продаешь свою девственность?

— Да,— тихо, чтобы никто не услышал, ответила девушка.

— Дорого — это сколько? — спросил незнакомец.

— Десять тысяч.

— Рублей? — снова послышался вопрос.

— Нет, долларов,— поправила она.

— Ну, ты загнула!

Больше целый вечер звонков не было.

На следующий день, возвращаясь домой из школы, Марина заметила Игоря, который ждал ее за углом. Она улыбнулась, протянула ему руку и с задором сказала:

— Привет, аспирант.

Игорь снова поцеловал ей руку и предложил:

— Давай прогуляемся, у меня есть немного свободного времени.

И они пошли по аллее, которая вела в городской парк. Сели на скамейку и долго разговаривали, а потом катались на каруселях, ели мороженое и целовались. Они стали встречаться каждый день

— Мне хорошо с тобой, мой Воробышек,— говорил он.

— И мне,— отвечала она и окрыленная летела домой. Эти дни были самыми счастливыми в ее жизни. Однажды, когда они сидели на своей любимой скамейке, зазвонил телефон.

— Алло! — сказала Марина.

— Это ты повесила объявление?

— Да.

— Надо встретиться. Сегодня в четыре часа у кинотеатра «Родина». Я перезвоню.

Она посмотрела на часы, было без четверти три.

— У тебя проблемы? — послышался голос Игоря.

— С чего ты взял? — с какой-то дерзостью сказала Марина.

— Да вид у тебя испуганного воробышка,— ласково ответил Игорь и, притянув ее к себе, нежно поцеловал сначала в щеки, а потом в губы.

— Мне надо срочно идти домой,— осторожно высвобождаясь из его объятий, тихо произнесла Марина.

Игорь проводил ее до подъезда и грустный побрел вдоль домов, так близко стоявших друг от друга, что из окна одного можно было рассмотреть спальню соседей напротив.

Ровно в назначенное время девушка подошла к кинотеатру. Раздался телефонный звонок, и голос предложил ей посмотреть на афишу, возле которой стоял солидный человек.

— Мое имя Влад.

— Марина,— представилась девушка.

После некоторых формальностей и расписок, он положил ей на кредитную карточку обговоренную сумму и повел в гостиницу. Там она долго стояла под душем, не зная, что делать дальше. Влад постучал в дверь и тоже встал под струю воды.

Марина уже сидела в кресле, укутавшись в полотенце, когда Влад поднес бокал с вином.

— Я не пью,— отодвигая бокал, сказала Марина.

— Сегодня немного можно. Это легкое вино.

Все произошло как-то само собой, но следа, который оставляет девственность, на постели не было. Разгневанный Влад позвонил Ивану и потребовал объяснений. Врач спокойно ответил, что сегодня при осмотре она была девицей. Что так бывает, и есть литература на эту тему и множество примеров из жизни. Влад успокоился и подошел к Марине, погладил ее густые волосы, она тихо всхлипывала, потом повернулась к нему, посмотрела глазами побитой собаки, бросилась на грудь и зарыдала громко, надрывно. Он поднял девушку с постели, отнес в ванну и стал мыть еще вздрагивающие плечи, нежно скользнул по животу и ощутил трепет в своем теле. Его вновь влекло к ней, наивной, податливой и чистой. Влад подхватил Марину, мокрую прижал к себе и, как что-то очень хрупкое, положил на широкую кровать. Он только сейчас заметил, как она была прекрасна. Мокрые волосы разметались по подушке, соски манили к себе, она была само совершенство, на бледном лице стал появляться румянец. Марина, стесняясь своей наготы, потянулась за покрывалом, но Влад остановил ее и сказал:

— Не прячь красоту, я — твое покрывало.

— Ой, не надо делать мне больно,— попросила девушка.

— Не буду, маленькая моя.

С этими словами, он стал нежно прикасаться к ее приоткрытым губам, нежно сжимал упругую девичью грудь, играя сосками, как сладкими горошинами. Не понимая, что с ним происходит, Влад ласкал ее всю, наполняясь сладким нетерпением. Она отдалась ему, и крик истомы вырвался из его груди. Такого с ним не было никогда. Влад привык к женским ласкам и добивался, чтобы исполнялись все его прихоти и желания, он не знал, что доставлять удовольствие другому человеку — вершина любви.

Марина на миг оторвалась от земли и провалилась в пространство, растворилась в нем, исчезла, стала невесомой, что-то отделилось от нее и еще несколько секунд не возвращалось в трепещущее тело. Влад почувствовал это, и его плоть снова захотела ее.

Уже стемнело, когда голод опустил их на землю. Они вместе лежали в просторной ванне, и Владу нравилось мыть девушку, как ребенка, нравились ее неопытность, детскость и чистота.

— Марина,— начал он не очень приятный разговор,— а на что тебе понадобятся деньги?

— Когда мне исполнится восемнадцать лет, я хочу уехать от отчима, который меня домогается.

Выйдя из гостиницы, она увидела, что ночь окутала город. Марина еще никогда так поздно не возвращалась домой. Что она скажет отчиму? Как будет оправдываться? Мысли смешались в голове. Резкий удар по лицу вернул ее в реальную жизнь. В дверном проеме стоял отчим, разъяренный и злой. Щека у нее горела, слезы произвольно лились по лицу. Девушка проскользнула в свою комнату, закрылась и плакала, не зная, от пощечины или от того, что произошло сегодня в гостинице. Ей не хотелось думать ни о чем, вместе со слезами из нее выходило что-то тяжелое и смутное, становилось легче и душе, и сердцу. Как оказывается, полезно поплакать наедине со своими печальями и горестями. Вдруг она услышала голос матери:

— Марина дома?

— По всему видно, что уже продана твоя доченька,— с улыбкой ехидно ответил отчим. Послышался глухой стук падающего тела.

Марина открыла дверь и увидела, что мать лежит на полу, бледная и неподвижная.

— Что ты с ней сделал?! — закричала она.

— Это ты ее довела до такого состояния, продажная дрянь.

— Мамочка, мамочка, что с тобой? — кричала Марина, пытаясь поднять тело с пола.

— Она сегодня принесла странное объявление с твоим телефонным номером, побежала искать тебя, но поняла, что опоздала, — с усмешкой сказал отчим.

В больнице поставили диагноз: обширный инфаркт. Уже была глубокая ночь, когда подошел к Марине врач, обнял ее по-отцовски за плечи и поинтересовался:

— Сколько тебе лет?

— Скоро восемнадцать,— ответила она.

Потом вспомнила, что ее недавно уже спрашивали о возрасте, только вот по какому поводу забыла. «Теперь самое главное здоровье мамы,— думала Марина,— ведь она для меня осталась единственным родным и близким человеком. Судьба у нее была нелегкая: воспитывалась в детском доме, потом встретила папочку, который издевался над ней, когда напьется, а протрезвев, ползал по полу и просил прощения. Мама верила ему и прощала. Когда отец погиб, пять лет жили спокойно и сблизились, как подружки. Пока не появился дядя Рома. Он ловко вошел в семью и однажды остался навсегда, настоял, чтобы мать с ним расписалась, а сам все поглядывал на других женщин».

— Уже взрослая,— услышала Марина голос врача,— мужайся, девонька, теперь все решения будешь принимать сама без материнских советов. Мы не смогли спасти ее.

— Что с мамой? Почему сама? Зачем...

Поняв, что произошло, она выбежала на улицу, спазмы сдавили горло, не хватало воздуха, она остановилась, посмотрела в небо, как будто ждала ответа. Хотелось кричать, плакать, но слез не было. Только одна мысль терзала ее душу — это она ускорила смерть самого дорогого ей человека.

А жизнь продолжалась. Наступало утро. Потянулись люди к своим гаражам, попадались одинокие прохожие, гасли фонари. Марина шла по городу, где сотни тысяч людей проживали свои судьбы. И каждый человек ждал чего-то хорошего, надеялся, что вот-вот придет то, ради чего он появился на свет. А для чего человек появляется на свет? Что ждет его в этом мире? Говорят, что на небесах еще до рождения каждому уготована своя судьба. Так, может быть, и не надо стремиться к лучшему, не надо вести здоровый образ жизни, пытаться что-то изменить, поправить, если за тебя уже кто-то там, высоко-высоко, все решил. Может быть, положиться на судьбу и ждать, куда вынесет тебя кривая жизни? Кажется, что там, на небесах, не взяли во внимание способность человека силой воли усмирять свои страсти, похоти и желания. Это Человек решает протянуть руку помощи или подставить подножку. Из любого положения есть минимум два выхода, и Человек сам делает выбор. Смелые люди выбирают жизнь и живут, а не наживают. Они не боятся завтрашнего дня. Деньги, кризисы были и будут всегда, а жизнь — одна. Надо уметь жить и находить позитив даже в неудачах, разводах, безысходности, болезнях, неразделенной любви. Только сильные люди способны радоваться удачам другого человека. Они могут среди ночи проснуться и помчаться на звонок друга о помощи и сделают для него столько, сколько могут, а потом столько, сколько надо. Такие способны довольствоваться малым, для них деньги — всего лишь деньги, которые можно и нужно тратить. Они никогда не поймут, зачем людям нужны деньги, которые нельзя тратить? Им не так важно, какая у тебя зарплата, машина, квартира, есть ли дача. Главное для них — это Человек! В жизни такие люди способны отдавать и получать от этого радость. Только таких людей намного меньше, чем других...

Рассвело. Ноги привели Марину к подъезду, где среди всяких обрывков объявлений, она увидела свое, сорвала его и услышала лай, а затем голос Игоря:

— Привет, Воробышек! Ты, что так рано здесь делаешь?

— Не знаю,— куда-то в пространство ответила девушка.

— А я звонил тебе весь день.

Марина вспомнила, что отключила мобильный телефон, когда встречалась с Владом в гостинице, ей показалось, что это было так давно и не в этой жизни. Она нажала кнопку, и высветились неприятые звонки и СМС сообщения. Среди всех прочих больше всего было от мамы: «Доченька, не делай глупости!», «Родная моя, прости меня, я очень люблю тебя». Потом раздался родной мамин голос: «Мариночка, девочка, кровиночка моя, где ты, отзовись, что с тобой, позвони, я жду. Твоя мама»,— это было звуковое сообщение. Ноги ее подкосились и последнее, что Марина услышала — крик Игоря: «Держись!»

Но держаться больше не было сил. Она, измученная и голодная, упала на крепкие руки Игоря. Очнулась на диване в знакомой комнате с комодом. Сознание возвращалось медленно. «Если можно было бы в жизни изменить один день. Всего один день из тысячи, который разделит жизнь на «до» и «после»,— подумала девушка. В этот день она стала женщиной и потеряла самого родного и дорогого человека. Вошел Игорь, в руках он держал кредитную карточку и объявление, которое выпало, когда Марина потеряла сознание.

— Ты уже это сделала? — он протянул кусок бумаги.

— Да...

— Ну почему, зачем? — еле сдерживая гнев, спросил он.

— Я... мне...

— Уходи! — резко сказал Игорь и захлопнул за ней дверь.

Оказавшись на улице, Марина пошла в никуда. Ей не хотелось жить. Она осталась одна в этом мире. И нет у нее такого человека, который мог бы протянуть руку помощи, кто мог бы понять ее, утешить или хотя бы поговорить с ней.

Когда немного пришла в себя, то очутилась у двери своей квартиры, машинально нажала звонок. Отчим втащил Марину в комнату, бросил на кровать... Долго не мог насытиться ее телом, больно сжимал груди, прикусывал губы. Она сопротивлялась, кричала, пыталась сбросить с себя мужчину, но не могла освободиться от настойчивых ритмичных ударов в глубине своего тела. Вот ритм ударов ускорился, Марине казалось, что какое-то огромное чудовище внутри ее бьется в конвульсии и медленно умирает. Отчим навалился на нее и замер, потом быстро встал, закурил и вышел на балкон. Марина схватила телефон, набрала номер Влада и закричала:

— Он изнасиловал меня!

— Кто это?

— Марина.

— Какая еще Марина? — и голос в трубке исчез.

Девушка тихо вышла в подъезд, встала на подоконник, посмотрела вниз, шагнула в бездну и проснулась.

Был выходной день, значит, все дома. Мать хлопотала на кухне, гремя посудой, готовила для дочери ее любимые сырники. Отчим курил на балконе, Марина ощутила на себе его жадный взгляд и натянула повыше одеяло. Она пыталась вспомнить, что ей снилось, но не могла.

После завтрака, девушка закрылась у себя в комнате, взяла бумагу и целый час писала объявления: «Продаю девственность, дорого! 0-925-032-09-73», — потом ходила по городу и расклеивала их на столбах, киосках...

Геннадий Маркин
(г. Щекино)

БОЖЬЯ КАРА

Старшего лейтенанта Алексея Серегина на должность начальника отряда колонии строгого режима назначили в сентябре, а осужденного Александра Тимохина этапом привезли в аккурат под Новый год. Распределили Тимохина в его, серегинский, десятый отряд. Определи колониальное начальство Тимохина в другой отряд, и его тюремная жизнь, возможно, сложилась бы по-другому, но судьбе было угодно распорядиться именно так. В том, что произошло с Тимохиным, Серегин отчасти винит и себя. Он не может толком объяснить, в чем именно заключается его вина: была ли это действительно Божья кара, как утверждают сослуживцы, или все случившееся — результат предвзятого отношения к Тимохину с его стороны, как считает майор Захарчук, но в простое совпадение фактов Серегину верится с трудом. Впрочем, все по порядку...

Тимохин стоял у двери кабинета заместителя начальника учреждения по кадрам и воспитательной работе майора Захарчука и нервно тербил промасленную зековскую кепку. Захарчук долго беседовал с другим осужденным, а когда тот, наконец, вышел, Тимохин не без волнения переступил порог кабинета.

— Гражданин начальник, осужденный по статье сто пятой части второй пункт «к», статье сто тридцать первой части второй пункт «в» к двадцати годам лишения свободы Тимохин, отряд десятый.

— Слушаю вас, Тимохин.

— Я не знаю, с чего начать, гражданин начальник.

— Говорите как есть.

— Я вас прошу оградить меня от произвола со стороны начальника отряда Серегина.

— В чем заключается произвол?

— Он придирается ко мне по разным пустякам.

— Например?

— Ну, он нашел окурочек рядом с моей кроватью и написал на меня постановление о взыскании, а окурочек не мой.

— А кто бросил окурочек, вы сказали начальнику отряда?

— Я не видел, кто его бросил.

— Вы же знаете, Тимохин, что каждый осужденный обязан соблюдать чистоту и порядок рядом со своим спальным местом. Если не усмотрели, кто бросил окурочек рядом с вашей кроватью, должны убрать его сами. Вы же представляете себе, что будет в общежитии, если возле каждой кровати начнут кидать окурочки.

— Да он вообще меня прессует по каждому пустяку.

— Еще, какие у вас претензии к начальнику отряда?

— Я не вовремя встал в строй, когда шли на обед. Серегин сказал, что в следующий раз за опоздание я пойду в штрафной изолятор.

— А вы постарайтесь не опаздывать на построения.

— Да я что, другие еще позже пришли, им он ничего такого не сказал.

— Вы работаете?

— Да, в бригаде прессовщиков.

— Хорошо, Тимохин, я разберусь по вашей жалобе, — пообещал Захарчук.

Когда Тимохин ушел, Захарчук вызвал к себе Серегина. Вскоре в кабинет вошел высокий спортивного вида офицер.

— Вы, Серегин, в наше учреждение пришли переводом?

— Так точно, товарищ майор, — подтвердил Серегин. — После окончания института экономики и права, три года прослужил в Мордовии, а затем подал рапорт и попросился сюда, поближе к родителям жены.

— Ну и как вам у нас служится?

— Нормально. Служба нравится, коллектив хороший.

— С жильем как?

— Живем у родителей жены.

— Сколько у вас в отряде осужденных? — Захарчук скосил взгляд на лежащий на столе планшет с указанием количества осужденных, расписанных по отрядам, явно проверяя Серегина.

— Сто девять человек. На производстве работает шестнадцать, четверо водворены в штрафной изолятор, один — в помещении камерного типа, двое больных находятся в медсанчасти и трое на длительных свиданиях, — четко доложил Серегин.

— Чем осужденные занимаются на производстве?

— Две бригады работают на пошиве, одна на прессах.

— А кто бригадир у прессовщиков?

— Осужденный Замятин.

— А мастер?

— Федор Иванович Соломатин.

— Когда в последний раз с ним беседовали?

— Вчера в присутствии бригадира и мастера беседовал с бригадой.

— Какие претензии у бригадира или мастера к рабочим?

— Никаких. Все работают хорошо.

— А осужденный Тимохин как работает?

— Тоже хорошо, товарищ майор.

— Как он себя ведет в быту?

«Вот оно что», — подумал Серегин, а вслух спросил:

— Нажаловался, значит?

— Да. Приходил на прием, жаловался на вашу необъективность. Говорил, что притесняете его.

— За что притесняю, рассказал? — усмехнулся Серегин.

— Рассказал. И про окурок, и о построении. Может, вы проясните ситуацию?

— Конечно. Вчера утром я делал обход отряда и в жилой секции возле кровати Тимохина увидел окурок. А днем ранее он опоздал на построение.

— Вы не задумывались, почему он работает добросовестно, а в быту нарушает порядок? Может быть, вы где-то недорабатываете? Не можете ухватить нить, с помощью которой следует влиять на его поведение?

— Мое мнение — Тимохин только прикидывается старательным работником, а на самом деле он упорно не желает соблюдать установленный порядок.

— И вы решили применить к нему дисциплинарные санкции?

— Да. Нарушителей надо изолировать от основной, нормальной части осужденных.

— А как же профилактика нарушений?

— Самая хорошая профилактика — это водворение в штрафной изолятор.

— А беседы?

— Это все ерунда.

— Вы же воспитатель, Серегин. Как же можно не верить в то, чем занимаетесь?

— Кнут — это тоже воспитание.

Захарчук внимательно посмотрел на Серегина.

— А вы не ошиблись в выборе профессии? Может, есть смысл перевестись в другую службу?

— Никак нет, товарищ майор, не ошибся. Вижу себя именно в должности воспитателя.

— Ну, тогда предлагаю вам заняться именно воспитательной работой. Объясните Тимохину, в чем он не прав...

— Не поймет.

— А вы попробуйте. Уделите ему времени больше, чем другим осужденным, заинтересуйте его общественной работой: дайте ему задание подготовить выпуск отрядной стенной газеты, попробуйте подобрать к нему нужные ключи.

«Я ему поручу общественную работу! Я подберу к нему ключи... от замка в камере штрафного изолятора», — кипел Серегин, возвращаясь в отряд.

Серегин возненавидел Тимохина после того, как ознакомился с его личным делом. Из приговора он узнал, что Тимохин, ранее дважды судимый за ограбление и нанесение тяжких телесных повреждений, отбывает наказание за изнасилование и убийство. У Серегина в отряде за убийство отбывают наказание еще несколько человек, но к ним он относится терпимо. А Тимохин совсем другое дело. Он, по его, Серегина, мнению заслуживает более строгого наказания. Тимохин убил тринадцатилетнюю девочку. Подкараулил ее на лесной тропинке, когда она возвращалась из школы, оглушил, изнасиловал, а потом задушил. Труп спрятал в лесу, забросав валежником. Девочку несколько дней искали всей деревней, а когда нашли, полуистлевшую, мать ее лишилась рассудка, а отец надолго слег в больницу с сердечным приступом.

Войдя в отряд, Серегин не спеша прошел по жилой секции. Тимохин рассказывал осужденным анекдоты, раздавался дружный смех. При появлении начальника отряда осужденные встали. Серегин оглядел всех, остановил взгляд на Тимохине и пригласил его на беседу.

В кабинете Серегин уселся за свой рабочий стол и стал перелистывать карточку индивидуально-воспитательной работы, заведенную им самим же на осужденного Тимохина. Страницы он перелистывал с таким видом, будто видел карточку впервые.

— У вас, Тимохин, на воле мать осталась?

— Да, гражданин начальник, — Тимохин стоял перед Серегиным, сложив руки за спиной.

— Пишет?

— Пишет.

— И что пишет?

— Да так, всего понемногу.

— Не болеет?

— Нет.

— Значит, Тимохин, с матерью вашей все в порядке, — Серегин явно затягивал беседу. Встал из-за стола, прошелся по кабинету. Тимохин повернулся лицом к начальнику отряда.

— Может, с матерью чего? Так ты не тяни, начальник, говори.

— Да нет, Тимохин, с матерью вашей все в порядке, а вот со мной, прошу разговаривать на вы.

— Да я вроде постарше буду.

— И тем не менее.

— Ну, тогда виноват. Извините, гражданин начальник.

— Как в отряде живете? Не обижает ли кто?

— Кого меня? — засмеялся Тимохин. — Да я, ежели надо, сам кого хочешь обижу.

— Да, Тимохин, вы сможете.

На Серегина вновь нахлынуло чувство ненависти к Тимохину, который что-то начал ему объяснять.

«Почему же меня так раздражает этот человек? Не хуже других, не нарушитель, — Серегин отдавал себе отчет в том, что Тимохин на самом деле не является тем злостным нарушителем, каким он пытался представить его заместителю начальника колонии. — Убийца? Ну и что? У меня в отряде их несколько, к ним-то у меня отношение нормальное, а к Тимохину предвзятое. Почему?»

Тимохин в это время продолжал что-то говорить, сильно жестикулируя при разговоре руками.

«Руки! — вдруг промелькнуло в сознании Серегина. — В Тимохине меня раздражают его руки».

Он посмотрел на руки осужденного и отчетливо представил, как эти разрисованные татуировками руки тряслись от жадности, когда вырывали серьги из ушей по-встречавшейся ему в темном переулке женщины, как они хватили нож и наносили удары человеку, пусть и собутыльнику, — один удар, другой, третий. И, наконец, как эти руки сдавливали девчонке горло, ломая ей шейные позвонки, и как он, Тимохин, весь трясся от внезапно нахлынувшего на него животного инстинкта, держал задыхающуюся и умирающую в страшных муках девочку. Понимая свою неправоту, Серегин, к его великому стыду, уже не владел собой. Он резко прервал Тимохина.

— А вы, почему сегодня свою кровать не заправили?

— Почему не заправил? Заправил.

— Пойдемте, проверим.

Подойдя к тимохинской кровати, Серегин с силой рванул одеяло. Затем вызвал старшего дневального отряда.

— Попов, вы почему не следите за порядком в отряде? Почему Тимохин свою постель не заправил? Видите, одеяло взъерошено?

— Виноват, гражданин старший лейтенант, — оправдывался Попов. — А сами-то они что, не могут за своей кроватью посмотреть?

Набывшийся Тимохин, молча, переводил взгляд то на кровать, то на начальника отряда, то на старшего дневального.

— А говорите, Тимохин, что заправили. Значит, обманываете? — усмехнулся Серегин.

В кабинете он принялся составлять постановление о водворении Тимохина в штрафной изолятор.

— Вижу, начальник, ненавистен я вам, — зло проговорил Тимохин.

— А вы думали, я вас на руках буду носить после того, что вы сделали с девочкой?

— Я за это уже сижу, меня суд наказал.

— Плохой у нас суд, Тимохин, гуманный. Таким, как вы, нужно руки отрубать.

— А ты мне не судья, — Тимохин подошел ближе к Серегину. — Мне Бог судья, и перед Богом я буду отвечать, но только не перед тобой.

Серегин не ожидал от Тимохина такой реакции и поэтому, молча, смотрел на Тимохина.

— Ну, что ты смотришь? Давай веди меня в бур, в крытку, на каторгу, куда хочешь!

Наступила гнетущая тишина. Продолжая смотреть Тимохину в глаза, Серегин

вдруг резко схватил со стола постановление, порвал его и бросил обрывки в корзину из-под мусора.

— Вы правы, Тимохин, Бог вам судья, а не я. Идите в отряд. Живите, радуйтесь, рассказывайте анекдоты. Вы не нарушитель, вы примерный осужденный, хорошо работаете и даже перевыполняете план. Вас скоро освободят, условно-досрочно. Закон позволяет. Идите, Тимохин.

Тот постоял немного в нерешительности, продолжая исподлобья смотреть на Серегина, а затем развернулся и медленной походкой вышел из кабинета.

На следующий день Серегин решил заняться распределением длительных свиданий на следующий месяц. Только он взялся за эту работу, как в кабинет, запыхавшись, вбежал старший дневальный.

— Гражданин начальник, ЧП на производстве!

— Что случилось, Попов?

— Не знаю, вроде что-то на прессах.

— Вроде — торчит нос у Володи, поточнее, что ли, узнать не мог?! — в сердцах пронес Серегин, выбегая из кабинета и на ходу застегивая китель.

В производственной зоне Серегина встретил мастер цеха Соломатин.

— Не пойму, почему это произошло? — взволнованно говорил он. — Станок исправен, и Тимохин опытный прессовщик.

Тимохин сидел на корточках, прислонившись спиной к стене, и курил. Рядом с ним также на корточках сидел его напарник и, держа в руке папиросу, периодически подносил ее к губам Тимохина. Обе руки последнего были забинтованы, и сквозь бинты густо проступала кровь.

— Ну вот, начальник, ты говорил, что таким, как я, надо руки отрубить. Твое желание исполнилось, радуйся.

— Как же вы так неосторожно, Тимохин? — Серегин не обратил внимания на ехидство со стороны осужденного.

— Вот так, заевался. Наверное, это меня и вправду Бог наказал за мои грехи.

— Это я вам вчера напроорочил. Не надо мне было так говорить, — с сожалением в голосе проговорил Серегин.

— Я на тебя, Алексей Васильевич, зла не держу. Ты справедливо поступил, когда не стал меня вчера в изолятор сажать.

Подъехал автомобиль конвоя и разговор прервался. Тимохин с помощью доктора и осужденного влез в автозак.

После того, как Тимохина увезли, Серегин вернулся в свой кабинет. Его одолевало чувство вины за Тимохина.

«Наверное, прав Захарчук, — думал он. — Я не способен работать воспитателем. Я вообще не способен работать с осужденными».

Он достал лист бумаги и аккуратным почерком стал выводить: «Рапорт. Прошу уволить меня из органов уголовно-исполнительной системы...» В это время в дверь постучали, и Серегин разрешил войти. В кабинет вошел осужденный Паршин.

— Спасибо вам, Алексей Васильевич, что вы написали моей жене письмо. Получил сегодня ответ. Простила меня. Собирается на свидание приехать и сына привезти. Как думаете: наладится у меня с ней?

— Конечно, наладится, Паршин. Обязательно наладится, — хрипло выдавил из себя Серегин.

— Спасибо вам, гражданин начальник.

После того, как Паршин вышел, Серегин взял недописанный рапорт. Несколько минут сидел, задумавшись, а затем смял его и бросил в мусорную корзину. Резко поднявшись из-за стола, он вышел из кабинета. Уже давно прогудел колонийский гудок, и ему было пора выводить отряд на вечернюю проверку.

Валерий Маслов
(г. Тула)

ПРИТЧИ

Автор 34 книг, изданных не только в России, но и за рубежом. Заслуженный работник культуры России, председатель Тульского Фонда поддержки творческой интеллигенции, руководитель Тульского отделения литфонда, председатель межрегионального Союза писателей России.

ГОЛОС С НЕБА

Я находился в том сладком состоянии между бодрствованием и засыпанием, когда сознание замутняется, настроение становится ровным и спокойным, тело расслабляется, а мозг готовится к отдыху. Жизнь и сновидения — это страницы одной и той же книги. И потому порой бывает сложно провести между ними грань, которая определенно сказала бы, в каком состоянии ты сейчас находишься.

Так и я, лежа в удобной позе на диване, дремал, полностью предавшись состоянию неги и сладкого покоя. И вдруг вкрадчивый голос, раздавшийся откуда то сверху, спросил меня:

— А скажи, отче: какой цвет ты больше всего любишь?

Я боялся обидеть Господа Бога, выбрав любой цвет из той обоймы небесной радуги, которую он создал: ведь, все они одинаково хороши и необходимы для жизни. Конечно, у меня был любимый цвет, но я сомневался, одобрит ли Он мой выбор?

— Лиловый,— мысленно проговорил я, ожидая реакции Голоса с неба.

— Вот и прекрасно,— раздалось мне в ответ.— Этот выбор говорит о твоей неординарности и творческой направленности мышления. Когда ты проснешься, не беспокойся о том, что неправильно ответил. Страшен не сон, а его толкование. Живи с миром!

ЧУДО

Я долго боялся сесть за руль автомашины, боясь, что сразу попаду в аварию. Но, наконец, созрел и купил автомобиль. Американская иномарка «Шевроле» оказалась настолько удобной, комфортной и проходимой, что я быстро освоился в ее управлении, и скоро почти ежедневно ездил на дачу кормить трех собак, прижившихся у меня.

Зимним январским днем я вновь отправился на дачу. Несмотря на нечищеную дорогу, поехал прямо к калитке. Накормил собак, кошку, которая осталась зимовать на соседней даче, и поехал домой. Но снежный наст сбил меня с пути, и машина съехала в кювет. Здесь уже не могли помочь ни шипованная резина, ни лопата, которой я откапывал колеса.

Целый час я пытался выбраться из снежной ловушки. Смеркалось — зимой темнеет быстро. Вокруг, в радиусе нескольких километров не было ни души: кроме меня в наш дачный кооператив в это время не ходил и не ездил никто. И только верные друзья — собаки расселись вокруг меня и машины, ожидая, что же я буду делать дальше: останусь с ними в морозной ночи, или все же уеду, как обычно. И хотя сейчас я понял, что лучшее, что есть у человека — это собака, легче от этой истины мне не становилось.

Я сунул руку в карман куртки: мобильного телефона не было, забыл его дома. Значит, и позвонить, чтобы позвать на помощь, не удастся. В отчаянии я сел в машину, чтобы хоть немного согреться. И вдруг увидел иконку Святого Николая Чудотворца, которую постоянно держу в автомобиле. Взял ее, поцеловал и попросил:

— Святитель Николай, помоги. Одна надежда только на тебя и чудо.

Вылез из машины, взял лопату в руку и склонился над колесом, чтобы откапывать его дальше. И вдруг с небес раздался голос:

— Вам помочь?

Я поднял голову: надо мной стояли два парня и девушка. Откуда они появились в этой глуши без дорог и тропинок? Как я не увидел и не услышал их раньше?

Дальше события развивались, как в сказке. Сначала они подтолкнули машину, а затем один из них сел за руль и быстро вывел ее на твердую дорогу.

— Откуда вы? — спросил я. — Как здесь очутились?

— Мы из Иерусалима, — ответили парни. — Приехали в гости к местным священникам. А сюда пришли фотографировать виды зимнего леса.

Расстались мы, как друзья. А я, ведя автомашину по зимнему городу, еще долго вспоминал эту необыкновенную помощь, пришедшую ко мне в самый критический момент, и иначе, как чудо, объяснить ее не мог. И, хотя сказано в Писании, чудеса — там, где в них верят, поверить в свое счастье и удачу никак не мог.

Яков Шафран
(г. Тула)

ВТОРАЯ НАТУРА

Родился в п. Брагине Гомельской области Белоруссии. В 14 лет с родителями переехал на родину матери в Тулу. В 1973 г. окончил Тульский политехнический институт и в 1997 г. высший психологический колледж при Институте психологии РАН в Москве. Последователь и активный пропагандист ЗОЖ, активно занимается физкультурой. Стихи пишет с юных лет. Издано два сборника стихов и прозы — «Любимая, прости» (2008 г.) и «Спасение рядом» (2009 г.). Участник поэтических сборников в Москве: «Поют любовь вам ангелы-поэты» и «Планета Душа» и в Туле: «Приокские зори», «День тульской поэзии», «На крыльях Пегаса» и «Лира». Участник конкурса «Я горжусь подвигом отцов, дедов и прадедов», стихи опубликованы в книге «Мы помним...» Член литобъединения «Пегас», один из создателей литературного клуба «Ковчег». Живет в Туле, 59 лет.

1

В Селезневке считалось, что не было семьи богаче, чем Карасевы. Они ничем особенным не выделялись среди односельчан. Одевались, как все, в магазине покупали, что и все. Жили в доме большом, но обычном, ничем особенным не отличавшимся от других домов. Только самое необходимое было в доме, никакой роскоши. Участок — как у всех, да и машина всего одна, и та «Нива»... И, тем не менее, все думали, что Карасевы богачи.

По правде сказать, Карасевы мало с кем общались из односельчан. Но разве это могло быть аргументом в пользу их богатства? Да, они были нелюдимыми. И, если случалось, кто-то заходил к ним в дом или обращался с вопросом на улице, говорили всегда кратко, по существу, как говорится, по делу.

Карасевы, в свое время, чтобы прокормить семью, торговали на рынке в областном центре. Глава семейства часто и надолго отлучался, ездил в Турцию и привозил оттуда баулы, полные одежды. Потом вместе с женой стоял за прилавком. В его отсутствие жена торговала сама. Но это все было давно...

В настоящее время Карасевы жили вчетвером: отец — Николай Степанович, мать — Ольга Афанасьевна и две дочери — старшая Нина и младшая Людмила. Они больше не торговали. И дочери после школы нигде не учились и не работали. Да и какая тут, в Селезневке, работа? И в городке, рядом с которым находилось село, работы не найти. На двух давно уж дышащих на ладан заводах местной промышленности, а также на хлебном и молочном заводах, все держались за рабочие места, как за спасательный круг. В сфере же торговли да в нескольких офисах все места давно уже расхватили. Так себе городок...

То, что Карасевы не работали, для сельчан было аргументом в пользу их богатства.

ва. Однако Карасевы вели себя не как богатые, не так, как рассказывали о жизни богатых многочисленные телесериалы.

Следует сказать, что увлечения Интернетом тоже не наблюдалось за семейством. Почему сельчане делали такой вывод? Да, все просто. Если люди не берут безлимитный тариф, а покупают две-три карточки по сто рублей каждая, то есть, тратят в месяц двести-триста рублей, то, значит, они не сидят в этой самой «виртуальной реальности» денно и нощно. Если бы они через сеть обучались, искали работу или развлекались, то были бы большие траты, либо, скорее всего, безлимитка.

2

Сельчане в большинстве своем посудачили-посудачили по поводу Карасевых, да и перестали... Но были и такие головы, что никак не могли успокоиться. Мешала им жить эта загадка, как нерешенный ребус заядлому любителю. Одним из них был Витька, как его все звали, парень лет семнадцати, только что окончивший школу и не нашедший еще себе занятия по душе. Как-то во время одной из пирушек с такими же, как он, ребятами, Витька сказал, что в два счета может разгадать загадку семьи Карасевых, и побился об заклад, что сделает это. Событьишники знали, что тот или иной ответ они получают, так как, если Витька что обещал, то непременно выполнит.

Карасевы всей семьей иногда уезжали на несколько дней. Двоюродная сестра Николая Степановича, Вера Сергеевна, работала смотрителем музея изобразительных искусств в областном центре. Ольга Афанасьевна и старшая дочь Нина люббили живопись, и Николай Степанович с Людмилой сопровождали их на новые выставки. Потом роли менялись, когда они шли на концерт классической музыки в филармонию. А драматический театр был любим всеми членами семьи...

Витька, зная о таких отлучках и потому наблюдая за Карасевыми, увидел однажды, как они уселись в «Ниву», и та по морозцу, по уже прочно легшему декабрьскому снежку покатила в сторону шоссе. И он решил действовать.

Выждав день, и убедившись, что к вечеру и ночью они не вернулись, он рано утром подошел к дому. Было еще совсем темно, так как пасмурное небо скрывало луну. Усыпив собаку припасенным заранее, а точнее украденным в больнице городка, хлороформом, Витька по заранее составленному плану обогнул дом и подошел к окну, выходившему во двор. Некоторая трудность заключалась в том, чтобы открыть форточку, но, немного повозившись, он сделал это. Все остальное для худенького и ловкого парня уже не представляло особого труда. И через несколько минут он оказался в большой и просторной комнате, наверное, гостиной.

Дом Карасевых был одноэтажным. И Витька, заглянув на всякий случай во все комнаты, не стал подниматься по вертикальной металлической лестнице на явно нежилой чердак. Он сразу остановил свое внимание на комнате, которая, скорее всего, была библиотекой или кабинетом, судя по стеллажам и шкафам с книгами и по большому письменному столу, стоящему посередине. А может быть и тем и другим одновременно.

«Есть, есть у меня способности сыскаря! — с удовольствием и некоторой гордостью подумал Витька.— Сейчас все, как пить дать, раскрою!» Он, не включая света, достал из кармана маленький фонарик и открыл по очереди ящики стола, не роясь в них пока, а просто оглядывая. Один из ящиков заинтересовал его более всего. В нем лежала книга с учетными записями доходов и расходов семьи. И он решил покопаться в ней. Судя по записям, расходы действительно были небольшими и не превосходили расходы его семьи и других семей его знакомых. Но интересно было не это, а то, за счет чего Карасевы удовлетворяли свои потребности, если нигде не работали? Ведь не сыпались же им деньги с неба? Этот вопрос также недолго оставался без от-

вета. «Как приятно иметь дело любопытному человеку с организованными и аккуратными людьми», — подумал он, так как в руках держал сложенные в стопочку и перетянутые резинкой квитанции о снятии денег в банкоматах Сбербанка. Дальнейший непродолжительный поиск дал ответ и на последний вопрос: «Источник?» Оказывается, Карасевы, как показывали договоры, в период с 1995-го по 2000-й год клали деньги на счет в банке. Эти деньги, насколько он знал из рассказов односельчан, происходили, скорее всего, от торговли, которой Карасевы занимались как раз в те годы. Цифры в итоговой графе на одной из бумаг говорили о примерно трех миллионах рублей. «Тогда, если брать проценты, — прикинул Витька своей быстро соображающей головой, — в месяц выходит где-то двадцать пять тысяч. Жить можно четверым, если учесть, что есть огород, сад, кое-какая живность и машина. Вот и весь секрет «богатства» таинственной семьи!..»

Положив все на место, он стал закрывать один ящик за другим, но его внимание привлек сверток, лежавший в последнем из них. Через прозрачный полиэтилен просвечивалась стопка, сверху которой лежал конверт со штампом «УЮ-...». Витька видел такие конверты у своего друга — его отец присылал письма из «мест не столь отдаленных», а проще говоря, из колонии. Заинтересовавшись находкой, он развернул пакет. Там действительно лежали письма из колонии и ответы на них. Все конверты были аккуратно разложены по датам. Он вытащил один из середины стопки, достал письмо и стал читать.

«Дорогая моя, любимая, Оленька, здравствуй! Если бы ты знала, как я жду твоего письма, как я скучаю по твоему письму, вернее по тебе.

Вот уже три года я нахожусь здесь. Сам виноват, но ты знаешь, что именно здесь я понял, что люблю тебя. Ты — первая и единственная девушка, которую я полюбил. Какие слова мне найти, хорошая моя, радость моя, чтобы выразить мою любовь к тебе? Не устаю об этом писать уже три года и думаю о том, как мы будем жить с тобой, когда я выйду. Ты для меня — весь свет, и я все сделаю, чтобы ты была счастлива, довольна, чтобы у нас была хорошая семья, чтобы наша дочурка росла здоровенькой и умненькой, чтобы у нас, если захочешь, были еще дети! Родная моя, я благодарен тебе за твою добрую душу, за то, что ты простила мне то страшное зло, которое я сделал тебе...»

Витька не успел дочитать, как почувствовал вдруг сильный удар по голове и увидел сноп ярких искр, брызнувших перед ним. В следующее мгновение письмо и фонарик выпали из рук, все померкло и он, потеряв сознание, упал грудью и лицом на стол, весом своего тела немного задвинув открытый ящик.

3

Когда Витька очнулся, то оказалось, что он сидит на стуле с крепко связанными за спиной руками. Перед ним на диване сидела девушка. Это была младшая дочь Карасевых — Людмила, непонятным образом оказавшаяся в доме. Судя по голове возвышающейся над спинкой дивана и далеко вперед выдвинутым коленям, это была высокая девушка. На вид ей было лет восемнадцать, что соответствовало действительности. У нее были правильные черты, не сказать, чтобы красивого, но довольно симпатичного лица. Длинные ноги и прямая спина позволяли судить о ее стройности. Серые большие глаза смотрели на Виктора презрительно и строго.

— Ну, что, очнулся?.. Почему ты здесь? Зачем понадобилось рыться в столе отца?!

— Я не вор... — проговорил Витька, ощутив при этом сильную боль в голове.

— Да что ты?!

— Правда... — язык с трудом ворочался, но говорить было нужно, чтобы как-то оправдать свое присутствие здесь.

— Тогда с какой целью ты забрался в дом?

И Витька все откровенно рассказал ей, как он пообещал, поклявшись, что разгадает тайну этой, то есть, ее загадочной семьи, тайну, которая не давала некоторым селезневцам спокойно жить.

— Ну, и как, разгадал?

— Да, все понятно... Нагребли денег, теперь с процентов живете.

— Не нагребли, а заработали! Знаешь, как родители пахали? За границу мотались — раз, потом на рынке в областном центре стояли, торговали в любую погоду — два, от рэкетиров терпели — три, да и кроме рэкетиров было много чего — четыре. Домой приходили — с ног валились. Годы так работали без отпуска и отдыха, чтобы семью обеспечить. Ведь все деньги, что раньше были накоплены, сгорели в один миг, спроси у своих родителей.

— Да знаю я... Ладно, проехали, я вот чего хотел спросить у тебя...

— Ну?

— Во-первых, откуда ты взялась?

— С чердака. У нас там что-то типа мансарды. Я люблю там читать, и засыпаю, когда поздно засиживаюсь.

— А-а-а... Поленился я по лестнице, что в кухне, подняться. Решил — чердак, как чердак...

— Ну, а во-вторых?

— Что, твой отец сидел? А мать ждала? Прямо, как в сказке!

— Ты же все прочел... Что спрашиваешь? — Людмила, судя по рассыпанной пачке писем, подумала, что он знает все.

— Конечно, прочел,— соврал тот.

Учиться врать ему было не нужно. Более умелого лгуна в Селезневке не найти. Вообще нужно сказать, что в Витьке жили как бы два человека. С одной стороны это был любознательный, рассудительный и достаточно практичный парень. А с другой, он и сам порой удивлялся, откуда что бралось в его голове. Иногда такие желания возникали, и такие мысли приходили в голову, будто он был и не Витька вроде, а уголовник со стажем. И хоть он иногда сам пугался наиболее изощренных преступных идей, но душой чувствовал, что они ему близки. Вот, например, одно время он довольно серьезно обдумывал план изнасилования своей классной руководительницы — молодой замужней женщины, с записью всего это на потайную видеокамеру, с тем, чтобы потом шантажировать ее и, таким образом, добиваться для себя преимуществ в классе и школе. Он отдавал себе отчет, что ему больше всего был интересен сам процесс насилия и шантажа, чем какие-то цели и личные выгоды. Часто Витька прятал свою вторую натуру за первую, и это ему хорошо удавалось.

«Изнасиловать... Интересная мысль... А может эту?.. Но дерется сильно... Да неужели дерется? Подошла сзади на цыпочках и стукнула по голове. Разве это драка?.. А ничего деваха, аппетитная! Ишь, смотрит как на меня, видно ждет продолжения разговора...» — пронеслось в его голове, и он, решив продолжить разговор об ее отце, закинул удочку.

— Интересно, неужели так все могло быть?

Людмила долго молчала, испытующе глядя на Витьку. Это был первый человек в Селезневке, который узнал про них все. И будет ли она теперь молчать или не будет, история ее родителей может стать известной всей деревне. «Так пусть лучше он получит понимание всего, тогда происшедшего, из моих уст, чем будет рассказывать так, как он понял. Ведь наверняка он просто пробежался по письмам,— подумала она.— Может быть, тогда все, что он будет рассказывать, будет совсем по иному звучать и восприниматься людьми».

— Когда мой отец, будучи еще парнем твоих примерно лет, изнасиловал мать, тогда еще девушку...

— М-м-мг... — промычал Витька, с одной стороны, чтобы скрыть удивление, а, с другой, чтобы показать, что он это все знает.

— Короче, свидетели видели, как он выходил из ее дома (мои будущие родители жили в большом селе далеко отсюда) и показали на него. По заявлению родителей мамы было возбуждено уголовное дело. Экспертиза показала вину отца, и ему дали срок.

— А как понять его письма о любви и ответы твоей мамы? — спросил Витька, которому, честно говоря, это становилось все более интересным своей необычностью.

— Был суд и приговор. Моего будущего отца отправили в колонию. Мама на суде не присутствовала. Говорят, что он был очень подавлен всем случившимся, всю вину признал полностью и сказал, что готов понести самое строгое наказание.

— Но ведь он мог жениться... Ну, то есть... — замялся Витька. — Ты понимаешь, что я хочу сказать?... И никакого суда бы не было.

— От него такого заявления не последовало. Да и мама была гордой. Она не согласилась бы, даже за большие деньги. Мы с ней говорили на эту тему, — добавила Людмила.

— А потом полюбила?

— Да! Потом полюбила, но это было потом.

— Интересная история...

— Отец рассказывал, что в колонии ему часто приходил на ум образ мамы, ее лицо, походка, все, что было с ней связано. Он много думал и мысленно общался с ней. Представляя, как бы он по-другому повел себя в той роковой ситуации, как бы он не поддавался вдруг нахлынувшей звериной страсти.

— Времени у него для этого было хоть отбавляй! — ухмыльнулся Витька.

— Да, там времени было предостаточно. А в той ситуации как будто затмение какое-то нашло... Ну, так вот, два чувства жили в нем: вина и любовь. Он даже написал письмо своим родителям с просьбой найти хоть какую-то ее фотографию и прислать.

— Сказка, да и только...

— Ты можешь верить, можешь не верить, но все точно так и было. Конечно, словами всего не передашь. В колонию с миссионерскими визитами приезжали священник и прихожане храма, расположенного недалеко. И отец с интересом слушал их беседы, все более располагаясь душой к тому, что слышал. И вот однажды он решил обо всем рассказать отцу Михаилу. Тот с большим сочувствием отнесся к исповеди. Отец покаялся во всем и сказал отцу Михаилу, что часто представляет, как он повел бы себя по-другому в той ситуации, и, что это другое поведение, представляемое им, приносит ему чувство радости в душу и успокоение. Отец уверовал, стал ежедневно читать Евангелия и Послания апостолов. Но ничто не могло вытеснить образ Ольги, моей будущей матери из его сердца. И по совету отца Михаила Николай решил написать ей обо всем.

— И она ему поверила... — то ли утвердительно, то ли недоверчиво сказал Витька.

— Мама вначале, конечно, с большими сомнениями отнеслась к этим письмам. Думала, что он просто хочет раньше освободиться, поэтому и развел всю эту лирику. Однако ей объяснили, что закон обратной силы не имеет, и что от их переписки ничего не изменится. Досрочное же освобождение зависит только от его поведения в колонии. Тогда мама просто из любопытства и какой-то жалости стала изредка отвечать на его письма.

— И полюбила его, который ее изнасиловал...

— Нет, полюбила она его потом, когда он вернулся и стал за ней ухаживать. А во время переписки у мамы возникло к нему смешанное чувство жалости и интереса, которое потом сменилось на уважение и чем дальше, тем больше.

— Чего это вдруг? — высунула нос его вторая сторона.

— Не вдруг, а постепенно. Отец очень много писал о своем раскаянии в том, что совершил, о своих переживаниях и мыслях по этому поводу. А также о том, как бы он поступил совершенно по-другому, если бы та ситуация повторилась, о том, как бы он ухаживал за ней. Он писал об этом во всех подробностях. Эти письма — просто стихи в прозе.

— Интересно... Влюбился что ли, сидя там? — так и подмывало его поглумиться.

— Не влюбился, а полюбил...

— А может, твоя мама была беременна, поэтому решила, пусть у ребенка будет хоть какой, но отец?

— Нет, зная маму, не думаю.

— И что, поженились сразу, как вышел?

— Нет, мама поставила условие. Они вначале встречались только в общественных местах, на людях — в кино, в клубе, на праздниках, в гостях... Это длилось полгода.

— А потом?

— Потом мама разрешила приглашать ее на прогулки, но близко к себе не подпускала. У них не было близости год, как он вернулся из колонии.

— С характером твоя мать! И что, видно, выдержал мужик?

— Выдержал! И только после этого испытания мама пригласила его в дом к родителям, где он сделал официальное предложение. Но родители мамы были категорически против.

— А его родители?

— Да, совсем позабыла! Дедушка и бабушка по его линии оказались людьми очень порядочными, чистосердечными и душевными. Они полностью приняли вину и долгое время пытались хоть чем-то помочь семье моей мамы, которая тогда во многом нуждалась... Но мамины родители ото всей помощи отказались сразу и в течение всего времени не изменили своему слову. Хотя от самого знакомства не отказывались и общались с ними.

— А когда твои будущие отец и мать стали встречаться и близко общаться? — спросил Витька, а вторая его натура в это время тайне уже смаковала обладание телом девушки.

— Когда они решили пожениться, их родители с обеих сторон собрались вместе без «виновников торжества» и поговорили по душам. Родители мамы, несмотря ни на что, были категорически против. В итоге мои будущие отец с матерью вынуждены были уехать. Они расписались и венчались в районном центре, там же нашли квартиру и устроились на работу.

— Интересная история. Если бы я не читал писем, — соврал Витька, — ни за что бы не поверил, что так бывает!

— Оказывается, бывает! И я — верное тому доказательство, — улыбнулась Людмила.

4

Витька уже вполне отошел от удара, голова не болела, только, дотрагиваясь до шишки на затылке, он испытывал боль. А так все было хорошо. Он вольготно развалился в кресле, широко расставив ноги, руки положив на подлокотники. Перед ним сидела красивая девушка, ее длинные светло-русые косы были опущены по обеим сторонам груди, которая заметно выделялась из-под халатика. Прямые пальцы рук живо жестикулировали, то дотрагиваясь до лица, то оправляя полы халата, то ложась на подлокотники или на колени. Он видел ее ноги — прямые, упитанные и загорелые. И, слушая, он попеременно бросал взгляды то на руки, то на ноги, то на грудь,

то на шею и губы, так влекущие к себе... Это с одной стороны и чертова вторая натура с другой почти докончили его. Он чувствовал, как спирало дыхание и напрягались мышцы... Чтобы сбросить напряжение, он задал вопрос.

— И что, родители твоей мамы так и остались одни и не помирились с дочкой?

— Нет, нет, помирились. Потом приняли как факт, а когда познакомились поближе с отцом, стали его уважать и ценить за отношение к маме и потом к нам, детям. Но родители не были одни. У мамы была старшая сестра, Мария. Она к тому времени уже была замужем. Вышла она за парня, который любил ее и ухаживал за ней два года, не отходил от нее и ее окон, как говорится.

— Вот это, да!

— Каждый день дарил цветы, делал подарки, куда-то приглашал. Родители души в нем не чаяли и все время ставили маме в пример — вот, мол, за каких нужно замуж выходить. Все шло к свадьбе, к долгой и счастливой семейной жизни.

— И что же?

— Но, когда они поженились, начало происходить что-то загадочное. Появились какие-то недомолвки со стороны мужа. Все поменялось местами. Теперь Мария все внимание направляла на него, а он, казалось, не то, чтобы охладел, но стал каким-то задумчивым, порой, как бы не слышал, что к нему обращаются. Периодически он куда-то убегал, как говорил, по работе (он работал электриком), но денег особых она не видела, да и возвращался часто подвыпившим.

— Нормальное дело...

— Для кого нормальное, а для кого и нет! Это все еще можно было как-то понять, если бы он не переменялся по отношению к Маше.

— Может, это все женские придирки?

— Потом выяснилось, что он гуляет. В селе-то, даже в большом, долго скрывать что-то не удастся, даже если это все происходит в соседней деревне или районном центре. Вскоре она узнала, что он не к друзьям ездит, а гуляет то с одной, то с другой, то с третьей...

— Дела-а-а... Любвеобильный какой!..

А сам подумал: «Черт, еще немного и я не выдержу!..»

— Да, уж... Вот два примера. Один изнасиловал, а в итоге оказался примерным и любящим мужем и отцом на всю жизнь, а другой говорил, что любит, ухаживал, денег не жалел, и оказался бабником и хамом.

— Хм-м...— промычал Витька и зевнул.

— Батюшка, отец Виктор, настоятель нашего храма,— увлеченно стала рассказывать Людмила,— сказал, что в человеке преобладает то, к чему тянет его душу. Когда душа тянется к Богу, то, если человек и согрешил, или совершил преступление, он с Божьей помощью может вернуться на путь истинный и жить как верующий. А когда душа тянется в противоположном направлении, то, как бы человек ни обманывал других и себя самого, жизнь все равно расставит все по своим местам.

5

Рассказ Людмилы вызывал у Витьки двоякое чувство. Несмотря на происки его второй природы, был у него уголок души, где жил теплый образ умершей матери и хранилось воспоминание о девчонке, которую он любил, но бросившей его. Там же хранились очень редкие беседы с отцом, когда тот был трезв, где на отдельной полочке жили герои сказок и книжек, которые в свое время произвели впечатление на его юное сознание. Это пространство души ощущалось им как что-то светлое, желто-золотистое с проблесками зеленого и голубого. (У него были способности к живописи, но никто не помог развить их). А с другой стороны было иное пространство, цар-

ство его второй природы, занимавшее большую часть души, где преобладали черные, коричневые и серые цвета, от которых веяло холодом, и где то и дело вспыхивали ярко красные пятна и стрелы. И тогда ему хотелось совершить что-то из ряда вон выходящее, чем-то выделиться таким, что всех повергнет в ужас, а его в восхищение самим собой.

Вот и сейчас это красное просто бурлило в клубах темного. И это бурление распирало его сознание, и чтобы освободиться от этого давления, он должен был действовать. Да он и не сопротивлялся этому, предвкушая довольство собой от своих действий. В другом, светлом уголке души, блеснул на какое-то время огонек то ли свечи, то ли солнечный луч, как бывает, когда он отражается от стекла напротив. Одновременно с этим раздался какой-то тихий-тихий голос. Но сознание Витьки уже кипело, и он не мог, да и не хотел расслышать, что этот голос ему говорил.

— Видишь, какими хорошими могут быть насильники? — наконец проговорил он и, встав с кресла, сделал шаг по направлению к Людмиле. — Давай, я тебя как бы изнасилую, но сидеть не буду, а сразу на тебе женюсь! Ха-ха-ха!.. Любить буду, не пожалеешь!

— Ах ты, негодяй! Уходи прочь, гад! Я думала ты более или менее порядочный парень, несмотря на то, что рылся в бумагах. Ну, думала, что из любопытства это делал. Думала, прочитал мельком про родителей, так уж расскажу, как есть, чтобы люди узнали правду, а то наговорит... Дура же я наивная! А ты вот как?!..

Он отступил на шаг назад

— Да я пошутил... — протянул он, ухмыляясь.

— Если ты такое сказать смог, что же у тебя тогда на уме?! — воскликнула девушка. — Человек может споткнуться и сделать злое, но, если у него чистая душа, это является ошибкой, наваждением. А ты так спокойно говоришь и еще улыбаешься при этом. Может быть, ты все спланировал заранее, пока я тут рассказывала?

Витька хмыкнул. Вторая натура так и лезла из него, заставляя вести себя в соответствии с ее, натурой, сутью. Первой Витькиной половины как бы не существовало. Вернее он ощущал ее, но где-то очень-очень далеко, где она сжалась в комок и подавала оттуда слабый-слабый, едва слышимый голос. Обычно две его природы боролись друг с другом на равных, в тех или иных ситуациях преобладая друг над другом. Но такого подавляющего преимущества одной над другой он еще никогда не замечал.

Людмила молча глядела на него своими ясными и чуть насмешливыми глазами. Не в силах вынести не только ее взгляд, но даже присутствие, Витька повернулся к ней боком и, постояв так несколько мгновений, словно прислушиваясь к чему-то, опустив голову, пошел к выходу.

Людмила пошла за ним.

— Наша жизнь — это дорога. А дорога имеет всегда два направления. И у тебя есть выбор, в каком направлении идти... И еще, не забудь о храме!..

Людмила закрыла за ним калитку и вошла в дом.

На улице словно ток прошел по Витькиному телу от макушки к ногам. «Ток, ток...» — подумал он. Витька был смысленным малым и неплохо разбирался в физике. «В электричестве притягиваются разноименные заряды, а одноименные отталкиваются... А у нас произошло иначе. Да, но ведь души — это не конденсаторы, пластины которых меняют свой заряд в зависимости от другого заряда, — думал он. — В моей душе поднялось все противоположное душе Людмилы, и, когда это произошло, мы оттолкнулись. Значит, в человеческих отношениях отталкиваются противоположные состояния душ, а подобные, стало быть, притягиваются. Но почему же тогда в моей душе вначале поднялось и вышло наружу все противоположное Людмиле?..»

Думая так, Витька обнаружил, что стоит на обочине дороги. По дороге в обоих направлениях двигались машины. Он некоторое время отрешенно наблюдал за ними.

И вдруг его осенило. «Если едешь в машине, а навстречу тебе движется другая, то твоя скорость по отношению ко встречной машине складывается из скоростей обеих машин, так? То есть она будет значительно больше, чем скорость движения твоей машины по дороге,— мысли Виктора быстро выстраивались в логическую цепочку.— И когда люди движутся к разным полюсам, к разным целям, при взаимодействии таких людей в их душах все процессы ускоряются. Людмила — чистый человек, нужно честно это признать. Значит, получается, что моя вторая натура — не вторая, а главная во мне, поэтому она так значительно усилилась при общении с Людмилой...»

...Виктор по-прежнему стоял на обочине. Состояние было не из лучших — его подташнивало, руки и ноги были ватными и немного, то ли от холода, то ли от напряжения, тряслись. Перед ним была дорога. Он посмотрел направо — небо там было светлее, легкая пелена облаков, окрашенная в розовые тона, говорила о восходящем солнце. «Небо хмуро поутру — моряку не по нутру»,— вспомнилась старая поговорка. И действительно, на другой стороне небосвода над уходящей вдаль дорогой висели тяжелые свинцовые тучи, не предвещавшие ничего хорошего. На их фоне ярким золотом блестели купола храма. Витька стоял в нерешительности, не зная куда идти. Наконец, он пересек дорогу и по тропинке, шедшей вдоль нее, направился вправо в сторону своего дома. Так он прошел некоторое расстояние, снова обдумывая и обдумывая все, что произошло сегодня утром. Последние слова Людмилы и его мысли у обочины не выходили из головы. В это время прозвучал однократный удар колокола, через некоторое время второй... Виктор знал — так призывают к молитве...

